

Александр Чикин

Богоборец

и другие рассказы

Александр Чикин

Богоборец

«Издательские решения»

Чикин А.

Богоборец / А. Чикин — «Издательские решения»,

Рассказы разных лет. Некоторые написаны давно, другие — недавно. Одни уже публиковались в периодике, другие печатаются впервые.

Содержание

Богоборец	6
Владимиру Семёновичу Высоцкому	8
Людоед	10
Как закалялась сталь	14
Бич	17
Подвиг Александра Матрасова	21
1	21
2	23
3	25
4	27
5	30
6	32
Андрюшка	34
1	34
2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Богоборец
и другие рассказы
Александр Чикин**

© Александр Чикин, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Богоборец

Когда я был совсем ещё маленьким, умерла какая-то дальняя родственница моего отца. Была она старой девой, и набожная была сверх меры: всё её немудрёное однокомнатное жильё было завешано иконами и набито псалтырями, Евангелиями и Библиями. Да и сама она была церковной старостой при Владимирском Успенском Соборе. Пришли к отцу какие-то две старушки, подруги покойной, и говорят, мол, ты – единственная седьмая вода на киселе, стало быть – тебе и хоронить её. А жили мы, мягко говоря, весьма скромно, и денег моим родителям катастрофически не хватало. Вот эти-то старушки и говорят отцу, мол, у покойной на книжке лежит больше пяти тысяч, что по тем временам было просто астрономической суммой. Эти сбережения завещаны умершей Владимирскому Успенскому Собору. Сходи, мол, касатик, к бабушке, да и попроси помочь с похоронами, если уж самому хоронить не по силам. Отец и пошёл. Нашёл бабушку и, вызвав его на улицу, завёл разговор, мол, старушка завещала прорву денег собору, нельзя ли с похоронами помочь? Поп покосился на церковь, да и говорит: «Раз собору завещала, вот пусть он её и хоронит».

Пришлось родителям из кожи вылезать, устраивая нищенские похороны миллионщицы. В награду за труды, подружки покойной посоветовали взять на память о покойнице самое ценное, с их точки зрения, что можно было найти в её имуществе. Взяли огромную Библию в сафьяновом переплёте с золочёными застёжками и цветными камнями, большущий крест с распятием, да штук пять икон в золочёных окладах, инкрустированных речным жемчугом и самоцветами.

Моя мать была партийной, и ей душу грело, обладание такими запретными вещами. Особое благоговение у неё вызывала Библия. Но при этом относилась она к ней с некой опаской, как, скажем, отнеслись бы и вы к красивому тропическому гаду в террариуме: королевский лоск и фантастическая окраска, но при этом мерзкая и опасная змея. Иконы никаких особых чувств у неё не вызывали, равно как и крест с распятием. Первые были свалены в чулан, а крест брошен на печку, и я всё детство колот им орехи на лавке, а иногда использовал его в играх «в войну» – тогда он изображал немецкий пистолет-пулемёт «Шмайсер».

Потом мне пришло время идти в первый класс. Это теперь детишек, как козлят на верёвке, волокут в школу, а тогда это можно было и самостоятельно сделать: родители побежали на работу, да и старшие сёстры тоже оказались чем-то заняты. Взял я свой портфель и пошёл к соседям. Долго колотил каблуком в ворота, пока окончательно не убедился, что их нет дома. Тогда я смело зашёл в палисадник и долго боролся с самым большим гладиолусом, вытоптал всю клумбу, но так и не смог его оторвать: пришлось тащить его в школу с корнями. Почти и не опоздал: нарядные школьники стояли ровными рядами, а директор с крыльца толкал речь. Вот я и стал болтаться между строем и крыльцом: то подойду поближе к директору, послушаю, чего он там орёт, то вдоль рядов поброжу, выискивая знакомых ребят и девчонок, пока не сгребла меня за шиворот какая-то училка и не отвела меня к моему первому «А».

Не прошло и недели, как велют нести макулатуру. Утром вся семья разбежалась по своим делам, а я взял Библию и потащил её в школу. У крыльца стояла крытая машина, и все дети швыряли в кузов свои перевязанные шпагатом газеты и старые тетрадки. Подошёл и я, а зашвырнуть этот «гроссбух» и не могу: весила она много, да и размерами была почти с меня тогдашнего. На моё счастье в кузове сидел мужичок, у которого округлились глаза от вида сафьяна и самоцветов. Он ловко спрыгнул ко мне, бережно взял книгу и, со словами: «Давай помогу, мальчик», – унёс её в кабину. Потом он долго и нудно доставал меня своими расспросами на предмет, нет ли у нас дома ещё какой допотопной литературы, место которой в макулатуре? Я едва отбоярился от приставучего дядьки, соврав, что я нынче дежурный, и мне надо протереть классную доску и сбегать к завхозу за мелом.

Ещё через неделю велят тащить металлолом. Недолго думая, я сунул в портфель крест. Думаю, что он был серебряным, и его на Крещение клали в воду. Весил он никак не меньше полкилограмма. Вот подхожу я к школе, а тот мужичок «на все руки дока» оказался: металлолом тоже он принимал. Как увидел он, что я из портфеля достаю, так от радости, аж, затрясся весь. Радости этой он от меня скрыть не смог, и на все его приставания, я, по наитию, назвал ему не свой номер дома, а, почему-то, сказал: «Дом четырнадцать». Через неделю жилище тёти Капы и дяди Гены обокрали. Тогда я очень ясно для себя определил, что религия – опиум для народа. Я всё ждал, когда же скажут, что надо сдавать старые деревянные вещи, чтоб ещё и иконы сбегрить? Я уже решил, что в этот раз назову мужику номер дома Ерошиных, которые уже достали и меня, и моих родителей своим «сортовым гладиолусом», который я вместе с «бесценной луковицей» в школу унёс. Но школе старые деревяшки оказались совсем не нужны, и пришлось потихоньку растопить ими печку.

Владимиру Семёновичу Высоцкому

Вовремя сказанное нужное слово, может так ладно и неожиданно лечь на душу, что перевернёт её вверх ногами, промчит по кругу и поставит на место, что-то в тебе изменив. И ты, раскрыв широко глаза от изумления, хлопнешь себя по лбу, и откроется тебе что-то. И не закроется больше никогда.

Зашёл я как-то к Марселю в кабинет. Не помню уже зачем. Смотрю, а он крутит в руках диск Высоцкого. «Дай, – говорю, – послушать!». Он дал. Пришёл я в свой кабинет, воткнул диск в проигрыватель, и уселся за свой компьютер. Что-то Владимир Семёнович там мне пел, пока не решил, что пора мне уже послушать про «Баньку по-белому». Не скажу, что я раньше эту песню не слышал – всё детство и юность голос Высоцкого звучал где-то фоном, рядом с Битлами, Глубоким Пурпуром и прочими флюидами – просто я, видимо, никогда всерьёз не вслушивался. Или мал ещё был и глуп, как положено. И то, что Владимир Семёнович поведал мне от лица своего лирического героя, просто сбило меня с ног. Он спрессовал многотомье «Архипелага» и «Колымских рассказов» в несколько куплетов и спел мне с надрывом.

Я увидел себя маленького рядом с этими мужиками, искалеченными Войной и Лагерем, в городской бане, куда лет с трёх брал меня с собою отец. Тогда прошло примерно двадцать послевоенных лет и двенадцать по смерти Сталина. Я вспомнил эти жуткие культы рук и ног, страшные деревянные протезы, с резиновым копытом. Валявшиеся по лавкам протезы рук, с негнуцимися неживыми пальцами в чёрных перчатках. Страшные шрамы и жуткие провалы в спинах на месте вырванных осколками рёбер. Другая часть мужиков сверкала железными и рондольевыми фиксами, а на груди у них синели ленины и сталины – наивный рабский оберег от хладнокровного выстрела палача. Ещё вспомнился страшный живой кулёк с головою взрослого мужчины, который с весны до осени вывешивали на штaketник палисадника его домашние, целый день вламывающие на заводе. Сердобольные прохожие бросали ему медяки в банку, висевшую рядом на гвозде, поскольку на землю её поставить было нельзя: время от времени из кулька на землю шлёпалось или текло – недержание у него было. Нечему было, видимо, там это добро держать: всё ампутировано. Кто-то кормил его с рук, как галчонка, кто-то поил водкой, засовывая потом ему в рот зажжённую папироску. А я его просто панически боялся, и чаще всего обходил другой улицей.

Я ведь был всему этому свидетелем, но ничего-то не видел. В точности, как лирический герой Высоцкого, который за беззаветную свою глупую веру, много лет отдыхал как в Раю. И мгновенно, вместе с героем Высоцкого, «променял я на жизнь беспросветную несусветную глупость свою». Я всё понял про свою страну. Не тогда, когда читал Солженицына и Шаламова, не тогда, когда бегал с плакатами в Перестройку, а теперь, когда мне спел про это Высоцкий треснувшим голосом.

И хоть не отвезли ещё меня из Сибири в Сибирь, у меня потекли слёзы. Мне стало жалко вымерших уже мужиков. И покалеченных Войной инвалидов, и обитателей Лагерея, клеймённых, как цыплята на прилавке советского гастронома чернильными штампами, синими рожами наших вождей.

Спел мне Высоцкий лет двадцать назад. А страна наша не думает меняться. За эти годы двоих моих знакомых в разное время забили насмерть своими дубинками менты. Соседа без суда продержали три года в следственном изоляторе и тюремной психушке, откуда его выгнал врач умирать, что он и сделал на следующий день по приходу. Другого приятеля отправили на восемь лет в тюрьму, сфабриковав ему дело. Спасибо, хоть смертную казнь отменили.

Я понимаю, что так уж, наверно, совпало: мои детские походы в городскую баню с отцом и песня Владимира Семёновича. Но ведь не один же я в эту баню ходил? И не одна же такая баня была на всю страну? Думаю, что не один. И бань таких по стране не счесть.

Спасибо, Владимир Семёнович, что и после ухода своего, поёшь нам о проклятой людьми и забытой Богом стране. И ошеломляешь силой своего слова.

Людоед

Серёга Пухов, муж моей сестры, которого в нашей охотничьей компании запросто звали Пушок, принёс в дом маленького, визгливого поросёнка. Через полгода или чуть больше свинок превратился в здорового свина и пришло время его колоть.

– Горе-то какое! – решил поплакаться мне Серёга, когда я пришёл к нему в гости. – Поросёнка резать надо. А как его резать? Я же его с пелёнок знаю. Он же, как член семьи! У меня рука на него не поднимется.

– Так я могу его заколбасить, – предложил я. – Чего голову-то ломать? Завтра суббота, приду с утра, часиков в восемь. К обеду опалим и разделаем.

В восемь утра как штык я стучался в дверь. Заспанный Пушок открыл и повёл меня на кухню.

– Чего тут курить? – решил я поторопить события и стал выбирать в ящике стола нож. – Чего время-то терять? Сейчас быстренько всё сделаю, а потом и перекурим.

– Не торопись, – попросил Серёга, виновато пряча глаза. – Я специалиста с работы пригласил. Он сказал, что в восемь придёт.

В дверь постучали. Пушок впустил парня примерно своего возраста.

– Здорово, ребята! – весело произнёс специалист. – Чего такие кислые? С водкой проблемы? – напугался он.

– Да нет, водку купили. – Серёга полез в холодильник. – Вот!

– Так наливай! Чего же ты с этим делом тянешь? – специалист ещё больше оживился. – Давай граммов по сто пятьдесят марцизмом – и за работу.

Пока Пушок разливал по стаканам водку и колдовал над закуской, специалист, которого звали Лёшкой, вынул из авоськи резиновые перчатки, прорезиненный фартук и шкатулку красного дерева.

– Знаешь, мне, пожалуй, «по рубчик» налей, – показал на свой стакан Лёха и открыл коробку.

В недрах шкатулки, на зелёном сукне, в специальном углублении лежал, ослепительно сияя безукоризненной полировкой, кинжал.

– Ух, ты! – вырвалось у меня, и я потянулся к ножу.

– Руками не трогать! – отгесняя меня, предупредил Лёшка. – Это вам не игрушки, а инструмент! Свинорез. В чужие руки не даю: порчу навести могут. Мне уже два свинокола испоганили. Смотреть – смотрите, а в руки – ни-ни!

Мы с Серёгой переглянулись и покачали головами: «И вправду спец!»

Сели за стол.

– А ты чего не пьёшь? – подозрительно спросил Лёха, отодвигая от меня шкатулку подальше. – У тебя, часом, не дурной глаз? – он на всякий случай закрыл коробку и убрал её на холодильник. – От непьющих всегда неизвестно чего можно ждать, – объяснил Серёге специалист. – Знаешь, какие они ненормальные?

– Да это он так, – начал оправдываться за меня Пушок, – дуркует уже второй год. А так-то он пьющий: дай бог каждому!

Лёшка скептически посмотрел на меня, и я понял, что сильно ему не понравился. Он взял водку, налил в стакан, выпил, а последними каплями оросил свинорез и спрятал его от меня за пазуху.

– Ну, перекурим и начнём! Жара, не жара, а косить надо! – констатировал специалист.

– Ребята, я – пас! – ещё раз предупредил Серёга. – Режьте без меня!

– Угощайся, – я открыл пачку. – «Столичные».

– Нет, спасибо, – специалист полез в грудной карман, – я провинциальных покурю, животноводческих, – и, вынимая «Мальборо», порезал руку. В ход опять пошла водка, остатками которой был продезинфицирован палец.

Минут за сорок лёгкого перекура Лёха объяснил нам всю гнилость и несостоятельность Серёгиной позиции, а также посвятил нас в два десятка способов умерщвления беконосодержащих животных. Когда закончилась вторая бутылка водки, я и Лёша пошли во двор. Подошли к сараю, где жил, как член Серёгиной семьи, боров Борька.

– Нужно рекогносцировку провести, – определил специалист, посмотрев на сарай, и полез по сугробам за строение. Тыльная сторона сарая служила звеном забора, отделяющим наш огород от соседей, и через минуту я увидел Лёху, бредущего по соседскому огороду. Осмотр задней стороны сарая закончился, и Лёшка полез через забор возле меня в наш огород.

– Свинач поросячий! – выругался специалист, приземлившись на четыре точки. – Я себе титьку отрезал! – Лёха вынул из-под фартука и бросил в снег свинорез и принялся рассматривать прореху в рубахе и десяти сантиметровой порез на груди.

– Какого хрена ты туда полез? – прикладывая к ране снег, спросил я.

– Посмотреть, как сарай устроен: нет ли прорех в стенах или запасных выходов, – извинился Лёшка. – В прошлом году пригласил меня такой же чистоплюй, вроде Пушка, поросёнка резать. Сам, конечно, не пошёл. Ну, я свинок за пояс и вперёд! Присел на корточки возле свиньи и хорошо, что между ног себе ничего не отрезал, а только ляжку проткнул. Тут, конечно, лужа крови натекла, свинья занервничала, я и давай её успокаивать: нож за спиной держу, а другой рукой стал ей за ухом чесать. Она успокоилась, на бок прилегла и глазки прикрыла. Прётся хозяин с ножом – уже разделявать собрался! Он слышал, как я завизжал, увидел лужу крови и окровавленный нож у меня в руках, да и свинья лежит, балдеет, на него не смотрит, даром, что он член её семьи. Этот дурень и посчитал, что всё уже готово! А у меня глаз на затылке нет, я не вижу, чего он там делает, а он нагибается через меня и говорит: «Пойду хозяйке уши отнесу: пусть пожарит!», и отхватил одно.

Больше-то ничего отрезать не успели: свинья ополоумела. Как подхватила, я чуть не оглох! Сшибла нас с ног, выбила прясло в хлеву и на улицу. А хозяин вечером воровал хлысты в лесничестве и разобрал забор в конце огорода, чтобы в обход жерди не таскать. Свинья напрямик в дыру – и в лес. Больше её никто не видел, как ни искали... Это мне хозяйка на инструмент порчу навела: в руки нож брала, пока мы с её мужем самогон трескали. Жадная сволочь: больше не налила ни грамма. Цельный год, мол, кормили, тонну жратвы извели, а вырастили всего одно ухо: шиш вам, а не самогон!

Кровь общими усилиями остановили и пошли в сарай. Боров, услышав нас, радостно заухал и заметался в своём закуте. Лёха внимательно всё осмотрел и полез на сушила. Попрыгал на жердях, спустился и спросил: нет ли погреба? Я показал. Был осмотрен и погреб. На мой вопрос: почём, мол, он собирается покупать наш сарай? Лёха ответил, что не собирается, а просто в позапрошлом году они с одним недотёпой прикололи кабана и подвесили его к сушилам для разделки. Пока ходили в дом принять по рюмочке, тушу украли. Приглашённый участковый, выпив львиную долю запасов водки, поклялся поймать воров и уснул за столом. Два дня ходили с участковым по дворам и, под предлогом поисков кабана, пили у подозреваемых самогон на халяву. В первый день подозревалась вся деревня. На второй – вся соседняя. На третий день в сарае завоняло тухлятиной. Оказалось, что жердь, на которой висела туша, лопнула по сучку. Лопнула хитро, в двух метрах левее от того места, где висел кабан. Туша съехала по наклонившейся жерди и соскользнула на вращающуюся вокруг оси крышку погребного люка, предмета инженерной гордости деревенского рационализатора – свиновода. Жердь, освободившись от тяжёлой ноши, под тяжестью наваленного сверху сена встала на место, а туша была пропущена гостеприимным вращающимся люком внутрь погреба,

где благополучно ухнула в кадку с капустой. Закваситься поросёнок не успел – протух. Шей со свиной не получилось: весь зимний запас мяса и капусты выкинули.

Пришлось успокоить Лёшу, что разделка, которой я никак не дожусь, намечается на снегу. Лёха открыл дверь и хотел зайти в поросячий закуток, но был сбит с ног гостеприимным Борькой. Весь в собственной крови и поросячем навозе, возмущённый Лёшка едва отбилась от любвеобильного борова.

– Чего это твоя свинья на людей кидается? – недовольный Лёха, обращаясь к Пушку, вымыл руки на кухне и налил водки. – Чуть не затоптал!

– Он, когда голодный, всегда так.

– А чего же ты его не покормил? – удивился Лёха. – Как его резать? Он же на ноги встать не даёт.

– Меня в больнице, перед утренней операцией, с вечера не кормили. Я и подумал, что ему вредно есть будет, – поделился своими соображениями Пушок.

– Вреднее нашей затеи с твоим поросёнком приключиться что-нибудь вряд ли. Может, покормим его? – предложил Лёха. – Невозможно работать.

– Ребята, мы уже больше часа времени потеряли, – не выдержал я. – Сейчас, если вы кормить его соберётесь, ещё час пройдёт.

– Ладно, ладно, – сделал мне одолжение Лёшка. – Идём.

Покачиваясь от выпитого, специалист стал объяснять мне план операции: «Заходим. Ты открываешь дверь. Я заскакиваю. Ты закрываешь. Я колю и ты мне открываешь. Я выскакиваю и всё!.. Ты закрываешь. Понял?» Так мы и поступили: я открыл дверь. Заскакивающий Лёха опять столкнулся с наскაკивающим Борькой: образовался затор. Я навалился на дверь, пытаюсь затолкать кучу-малу внутрь. Мне это удалось. Было слышно, как матерится Лёшка, отбиваясь от оголодавшего борова. Затем раздался короткий визг и помятый Лёха выскочил за дверь.

– Серёга врёт, что поросёнка день не кормил, – прикинул запыхавшийся специалист. – Перчатку-то я из него достану, кажется, он её не жуя, сглотнул, а фартуку – каюк. Половину подола отхватил, свинья!.. Пойдём перекурим. Сейчас кровью изойдёт и ляжет.

Перекур начался с возлиания по поводу окончания середины работы. Через полчаса я едва уговорил Лёху идти разделять тушу. Взяв у Пушка верёвку и повесив её на плечо, Лёшка, мотаясь из стороны в сторону, пошёл под моим конвоем в сарай. Вопреки оптимистичным прогнозам, Борька и не думал лежать, а беспокойно метался по своему закутку.

– Живучий, сволочь! – изумился Лёха. – Давай: ты открываешь – я заскакиваю!

На этот раз, чтобы повалить и зажать в углу болтавшегося в разные стороны Лёху, поросёнку пришлось повозиться дольше. Но сила солому ломит и запутавшийся в верёвке специалист оказался на полу. Борька моментально его оседлал и принялся жадно жрать фартук. Лёха, хладнокровно освободившись от пут, ткнул свиноколом под нижнюю челюсть охамевшую скотину. Борька, раскрыв в немом крике пасть, выплюнул в лицо малосъедобного Лёшки изжёванные лохмотья и обиженно отскочил в другой угол. Размазывая по лицу навоз со слюной и кровью, Лёха выпал из поросячьего загона.

– Людоед! – возмутился Лёха, выползая из сарая в сугроб. – Помоги встать, что-то у меня сил нет.

Я поднял его на ноги.

– Пойдём перекурим. Сейчас должен уснуть, – едва держась на ногах, Лёха побрёл в дом.

Бесцеремонно разбуженный Пушок, признался, что у него ещё неделю назад закончился комбикорм, и он уже три дня как боится заходить к взбесившемуся людоеду. Выпили за упокой хищника и побрели, поддерживая друг друга и цепляясь за меня, в сарай. Вопреки радужным тостам, Борька встретил нас угрюмым тигриным взглядом, сидя по собачьи на уже изжёванной в клочья верёвке. Только теперь я и Лёха обратили внимание на обглоданные доски загона.

К двери в поросячий закуток мы подошли все вчетвером одновременно: мы с одной стороны, Борька – с противоположной.

– Шатун какой-то, а не свинья! – заметил Лёха. – Смотри, Сань, на тебя нацелился: ты самый упитанный. Я, ребята, больше к нему не полезу. Он броней какой-то, а у меня двое детей и мать больная. И инструмент, явно, сглазили: всю грудь исполосовал.

Я пошёл за Серёгиным ружьём, а Пушок с Лёхой решили выпить за свою капитуляцию. Когда я закончил разделку туши, они уже отключились.

Проглоченная перчатка была как новая.

Как закалялась сталь

Я проснулась от страшного грохота: кто-то колотил в дверь моей квартиры. Обмирая от страха, накинула халат и, сунув ноги в тапочки, потихоньку подошла к дверному глазку и заглянула в него. В коридоре стоял военный и со всего маха долбил кулачищем в дверь, словно не замечая кнопки звонка. Стало ещё жутче, – все знакомые знают, какая я трусиха, – ноги стали ватными, я сползла на коврик, и эти удары стали сотрясать меня, потому, что я привалилась спиной к двери. Я уже думала, что дверь не выдержит и сердце моё разорвётся от ужаса, как вдруг всё смолкло: я услышала шаги по направлению к двери соседей слева. Послышался звонок и, через какое-то время, щелчок открываемого замка соседей. «Господи, спаси и помилуй! – взмолилась я. – Неужели они не слышали грохота, который устроил тут этот бандит? Он же сейчас их всех убьёт!»

– Доброе утро! – услышала я.

– Ничего себе «доброе», – ответила соседка, – время шесть утра!

– Майор Кульмашев. Райвоенком, – представился громила. – Извините за ранний визит. Скажите, пожалуйста, Волков Сергей Леонидович проживает в пятой квартире?

– Знаете, мы только неделю как сюда переехали, и никого тут ещё не знаем. Извините, – дверь, клацнув замком, закрылась.

Ранний визитёр прошёл мимо моей двери к квартире соседей справа. Хотя я и не слышала звонка, но через минуту дверь открылась и сонный Людкин голос спросил: «Какого чёрта?»

– Извините за ранний визит: майор Кульмашев, райвоенком, – мне даже послышался щёлчок каблуков. – Меня интересует Ваш сосед из пятой квартиры: второй год посылаем ему повестки на призыв в армию, а от него ни слуху – ни духу. Волков Сергей Леонидович появляется здесь?

– Да пошли вы к чёрту! Днём приходите со своими вопросами! Я министру обороны жалобу напишу! – Людка захлопнула дверь.

Через минуту послышался тяжёлый вздох за моей дверью, и раздался короткий звонок. Я потихоньку поднялась с пола, одёрнула халат, напустила на лицо заспанный вид и приоткрыла дверь, не снимая цепочки.

– Извините за столь ранний визит, – начал майор, – дело в том, что я – военный комиссар района. Майор Кульмашев Илгат Толгатович. Мы уже больше года посылаем повестки на призыв в армию Волкову Сергею Леонидовичу, тысяча девятьсот восемьдесят девятого года рождения, а от него никаких известий. Простите, Вы ему кем доводитесь, и проживает ли Сергей Леонидович по данному адресу?

– Сергей мой сын.

– Светлана Викторовна, если не ошибаюсь? Как бы мне повидаться и переговорить с Вашим сыном?

– Это будет проблематично. Дело в том, что отец Сергея погиб за восемь дней до рождения сына. Это произошло в последний день вывода Советских войск из Афганистана. Его отец служил в погранвойсках, и их подразделение прикрывало отход наших войск из страны. Генерал-лейтенант Громов соврал на весь Мир, когда заявил по телевидению, что он последним покидает страну, и за его спиной нет советских солдат. В это самое время снайпер убил моего Лёничку, Серёжиного папу. Мы даже и расписаться не успели...

– Извините, Светлана Викторовна, – майор явно не рассчитывал нарваться на бабьи слёзы двадцатилетней давности, – я тоже повоевал лейтенантом в Афганистане, троих друзей там потерял, но мне бы с Сергеем Леонидовичем потолковать: такой, понимаешь, героический папа, а сын от армии косит. Разрешите войти? Мне с Вашим сыном поговорить необходимо.

– Знаете, как-то боязно незнакомого мужчину, да ещё и в такое время, пускать в дом. Бандиты нынче и в милицию рядятся, а офицером прикинуться и вообще, как я понимаю, проблем не составит. Может быть, у Вас удостоверение личности есть? Можно глянуть?

– Вот, пожалуйста, – майор вынул из кармана и протянул в щёлочку удостоверение.

Дрожащей рукой я взяла документ, сказывался эффект ещё не совсем прошедшего испуга, но майор, видимо, воспринял эту дрожь по-другому.

– Вы не волнуйтесь, сейчас время мирное, войны нет, и ничего с вашим сыном не случится. Можете даже меня и не пускать: просто попросите сына сюда выйти.

– Вы же не даёте мне всё до конца Вам рассказать, – я, мало понимая увиденное в удостоверении, рассеяно его листала, пытаюсь что-то там читать. – Понимаете, Серёжа с самого детства, сразу же, как только узнал от чьих рук, и какую смерть принял его папа, просто бредил о мести афганским моджахедам. Это у Российской армии никакой войны нет, а у Серёжи война все двадцать лет его жизни идёт. Он и боксом, и карате, и самбо занимался, пулевой стрельбой, и в университет поступил только для войны этой своей.

– Ну, видите? Парень, прямо создан для армии, если Вашим словам верить, а от призыва увильивает, – обрадовался майор. – Давайте его сюда. Завтра же на службу отправим.

– Да, что Вы всё торопитесь? Дайте, я Вам всё по порядку объясню, – я протянула майору его удостоверение. – Я – скрипачка. Играю в симфоническом оркестре при филармонии. В восемьдесят девятом году наш оркестр поехал на гастроли в Америку. Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Сан-Франциско. По всей стране мотались. Я уже на восьмом месяце беременности была. Конечно, никто из руководства оркестра про это не знал, иначе бы меня на гастроли и не взяли, а так хотелось побольше заработать перед родами. Да и полная я, так что беременность в глаза не бросалась. Прилетели мы в Сан-Франциско. Смотрю, по телевизору, что в холле гостиницы стоял, CNN показывает недельной давности хронику вывода наших войск и этого лгуна – генерала Громова, как он всех, до единого, солдат из Афганистана вывел, я возьми, да и позвони на радостях маме, а она меня и огорошила: Леонид погиб, судя по документам, через семнадцать минут после выступления Громова и уже привезён в цинковом гробу и похоронен. У меня схватки начались, и через два часа я там, в Сан-Франциско, Серёжу и родила. Всё, что я в Америке, заработала, ушло на оплату клинике, где я рожала, да ещё и мало оказалось: с оркестра тоже какие-то деньги потребовали, так что и руководство, и коллеги были мной, мягко говоря, не довольны – едва с работы не выперли. Но, как-то обошлось, посочувствовали моему горю, вероятно.

– Честное слово, – взмолился майор, – я тоже Вам искренне сочувствую, но мне бы с Вашим сыном поговорить.

– Не знаю, как уж теперь принято обращаться в нашей армии: товарищ или господин майор, но дело в том, что всем родившимся в Америке детишкам, даже если их родители граждане другой страны, автоматически дают американское гражданство. Получил его и Серёжа. В университете, где окончив школу, Сергей стал учиться, есть программа обмена студентами. К нам сюда французы, немцы, американцы, а наши – туда. Уехал в Америку и Серёжа. Там он, как гражданин США, по достижении двадцатилетнего возраста завербовался в армию и воюет теперь в Афганистане со своими моджахедами, – я протянула руку, взяла с полочки под зеркалом у двери пачку повесток на воинскую службу и протянула их майору. – Отправьте их в Пентагон, если желаете. До свиданья, – я закрыла дверь и прильнула к глазку.

Майор тупо уставился на бумажки в руке, а другой скрёб затылок под фуражкой. Потом сунул повестки в карман, развернулся и двинулся к лестнице. Взялся за перила, потом повернул обратно, подошёл к моей двери, поднял руку к звонку, постоял секунду, убрал руку и стал тереть ею подбородок, что-то обдумывая. Потом опять потянулся к звонку, но, так и не позвонив, секунду помедлив, развернулся и ушёл совсем.

Я прошла на кухню, поставила чайник, и когда он закипел, пошла будить Серёжу: «Вставай, воин! У тебя через два часа самолёт. Ты почему, оболтус, в военкомат не сообщил, что в университете учишься? Я тут с испуга с три короба твоему военкому наврала. Вставай, вставай, надо ещё к бабушке попрощаться зайти: когда ещё ты из своей Америки вернёшься?»

Бич

Охотниками я и Пушок, мой зять, были сумасшедшими: гончих собак у нас развелось штук восемь. При зряплате сантехника прокормить их было трудновато. К концу зимы все браконьерские запасы мяса закончились и вопрос встал отсутствующим ребром для собачьей похлёбки. В обеденный перерыв я залез на чердак родной школы и набил два пакета голубей. До окончания обеда оставалось десять минут и я вспомнил, что меня будет ждать на недавно влившемся в заводской фонд доме мастер участка ЖКО Татьяна.

Без ложной скромности замечу, что среди сантехников заводского ЖКО я был самым красивым. Судите сами: «денежных мешков» под глазами, явного свидетельства благосостояния любого сантехника, у меня ещё не было, нос ещё не приобрёл профессионального лилового цвета, а губы ещё не начали лосниться от постоянного облизывания в предвкушении выпивки и, самое главное, – я был разведён. Татьяна тоже. Эти обстоятельства раскрывали моему мастеру оперативный простор для манёвра у стен моей неприступной, для неё, холостяцкой крепости, а мне, соответственно, сужали манёвр до рамок осаждённого. Погарцевав под стенами и продемонстрировав всю мощь своего оружия, но не обнаружив белых флагов на башнях, твердолобая завоевательница предприняла лобовой штурм. Силы были неравными: она начальник – я подчинённый. Пришлось применить военную хитрость: я прикинулся наивным недотёпой с явными признаками идиотизма и импотенции. Такая итальянская забастовка в моей интерпретации вполне удалась, но на торжественной пьянке, по поводу обмывания тринадцатой зарплаты, я глупо разоблачил себя, взвалив на плечи роль тамады – балагура и остролова – и пустив в ход все мужские чары, в надежде обольстить Ленку-штукатурщицу. Обольстилась Танька. Сдаваться я не собирался и пришлось под новым бурным натиском нимфоманки имитировать в тёмном и пыльном углу алкогольную эпилепсию. Добиться появления хоть мало-мальски обильной пены на губах я не смог, зато на Танькиных губах этой пены образовался излишек. Как легко догадаться, эта пена была вызвана не эпилепсией моего мастера, а её бешенством. Сила, не менее могучая, чем любовь, имя которой – ненависть, заставила Татьяну всю себя посвятить этому чувству: я обзавёлся личным надсмотрщиком. Бездельничать больше семи-шести часов, вместо положенных сантехнику восьми, я теперь не мог: улучив момент, Татьяна бросала уютную контору и летела в нашу мастерскую. Вчера она сообщила, что после обеда желает проверить наличие пломб на теплоузле нового дома и я должен быть с ключами от подвала в час дня у первого подъезда.

Моё легкомыслие по поводу забытых ключей, меня не расстроило: продолжая корчить из себя идиота, в наивной попытке обезоружить Таньку, я уже давно превратил мастера в личного оруженосца – на заявки жильцов я поспешал под Танюхиным конвоем налегке. Обнаружив на месте происшествия текущий кран или забитый унитаз, я поднимал панику, Танька мчалась за подмогой и моим инструментом, а я, в её отсутствие, всё починал, ведь даже в квартирах старых дев находились плоскогубцы, молотки и вантузы, получал бакшиш и дожидался у подъезда Танюху, волокущую суму с моими железками и очередного отловленного в мастерской пьяного помощника.

Собственно говоря, по самой работе придраться к моей персоне Татьяна не могла: я, практически единственный в ЖКО, не утратил ещё способности укрощать водопровод, канализацию и отопление, хоть и «включал дурака». Но трудовая дисциплина, приход-уход на работу и обед, у меня присутствовала в недостаточной степени. Сами знаете, что мир богат событиями и делами, а хочется всё узнать, везде поспеть, всё переделать. Привычка совать свой нос во все дела наносила ущерб трудовой дисциплине, и Татьяна била меня по этому носу кляузами на имя начальника ЖКО, нащупав моё слабое место. Получать очередную выволочку не хотелось и я, не отнеся сумок с голубями домой, помчался на остановку автобуса.

Недавно принятый на баланс ЖКО новый дом находился недалеко от конечной остановки. Подъехал я вовремя. Даже с двухминутным запасом. Но на остановке были контролёры. Ребята на задней площадке автобуса, среди которых я оказался, испугавшись этого обстоятельства, разжали задние двери и выпорхнули на свободу. Я остался в раздумьях о дальнейших своих действиях. Позорно бежать не хотелось, а вступать в долгие разборки по поводу отсутствия билета резона тоже не было. Любимая бывшая жена, оберегая меня от всевозможных соблазнов, выгребала из моих карманов всё до копейки. Ездить без билета и общаться с контролёрами я привык. За девять лет супружеской жизни я перезнакомился со всеми проверяльщиками билетов нашего города. Они тоже составили обо мне мнение, как о Буратино, которого хоть за ноги подвесь ничего не звякнет. Зная меня в лицо, контролёры, обнаружив мою персону в троллейбусе, угрюмо игнорировали меня к вящему неудовольствию менее последовательных «зайцев». Но с автобусными контролёрами я был знаком мало, а этих бабушек я вообще не знал.

– Молодой человек, – обратилась ко мне, глядя снизу вверх, подоспевшая к дверям пожилая контролёрша, – предъявите билет.

– У меня его нет, – начал я, жалея, что не удрал и оценив бабушку как весьма въедливую особу. Я спустился по ступеням, и пенсионерка, посчитав мой маневр подозрительным, вкогтила в мой рукав. – Я обычно пешком хожу, а сегодня вдруг проехать решил, – нисколько не соврал я.

– Платите штраф, молодой человек! – хватка на рукаве телогрейки усилилась. Одет я был, по обычаям сантехников, в теллагу, спецовку, вязаную шапочку, бороду с усами, а на ногах были резиновые сапоги, которые диссонировали с сугробами на улице, но очень часто выручали в затопленных подвалах, а бабушка развивала свою мысль: – Только не врите, что у вас денег нет!

– Вот ещё придумали: я и не вру. У меня их действительно нет. По-моему, это ещё не преступление, – я поднаторел в фарисействе за время вынужденного общения с контролёрами, – а наличие денег как раз и позволяет усомниться в кристальной честности гражданина, тем более неработающего, как я. – Это было своевременное замечание, предупреждающее стандартный ход всех контролёров по поводу моей работы.

– А почему же, молодой человек, вы не работаете? – бабушка язвительно прищурила глазки. – Здоровенный детина – и без работы. В Советском Союзе безработицы нет, а вот тунеядцы, я вижу, встречаются... Давай деньги, болтун! Сам во всём рабочем: на стройке, поди, трудится, а мне голову морочит. Раскошеливайся! Плати рубль! Сейчас мигом милицию вызову!

– С утра дурное предчувствие было, что опять в тюрьму попаду, – вздохнул я. – Зря только голубей загубил: столько мяса теперь пропадёт. В тюрьме-то так не поешь... Дёрнул меня чёрт сесть в этот автобус... Всё сапоги: ревматизм из-за них, проклятых!

– Батюшки! Нешто у нас сажают за безбилетный проезд? – напугалась бабушка открывшимся новым аспектам своей работы. – Ты что городишь-то?

– Обычно – нет, но меня посадят, – успокоил я старушку. – Сами посудите: прописки нет, документов нет, тунеядец. У ментов же всё просто. Да и я бы на их месте такого посадил: вышел из тюрьмы, а исправляться не хочет. Паспортный режим нарушает, нигде не работает: от такого – жди преступления. Им же не докажешь, что я себе пропитание по помойкам добываю. А сегодня повезло – голубей наловил, – я показал бабушке добычу, поочерёдно раскрыв пакеты с битой птицей. – У меня день рожденья в этом году, – пояснил я. – Какого числа, правда, никто не знает – я подкидыш, вот и захотелось «голубцов» приготовить: как чувствовал, что в тюрьму сегодня, – я обречённо потупил глаза и с хрипом выдохнул воздух. – Пойдёмте, – я поставил свои сумки на асфальт и продемонстрировал бабуле легкий спортивный кашель, переходящий в рвоту. – Курю много и туберкулёз у меня: замучал, зараза! В тюрьме

хоть подлечат. В какую сторону до милиции ближе? – я с жалостью посмотрел на брошенные сумки и тяжело вздохнул.

– А почему же у тебя документов-то нет? – бабушка услышав, что у меня туберкулёз, прекратила успокаивать мой рукав ласковыми поглаживаниями, давно сменившими орлиную хватку, и украдкой от меня вытерла ручки платочком и потихоньку швырнула поганую тряпицу в сугроб. – Ты, часом, не беглый?

– Да, что вы, гражданка! – возмутился я. – Сразу видно, что вы никогда в тюремной психушке не бывали: оттуда не убежишь. Там же всё время связанный лежишь. Даже кормят с ложки и на горшок на руках носят, когда начальство появляется. А в основном голодный и невымытый по уши лежишь неделями: персонал лишний раз подойти не рискует – у многих ведь дети. Вот я там в этой сырости ревматизм себе и заработал, а теперь меня эти сапоги доканывают.

– Так ты буйный? – ещё дальше от меня отстранилась бабуля.

– Да нет, – я пожалел запуганную контролёршу, – это же из-за туберкулёза. Чтобы я по больничке не шлялся, заразу не разносил, меня к буйным и подложили. А у меня же закрытая форма. Не заразная. Меня, видимо из-за туберкулёза-то и в детдом подкинули. Я совсем плохой был: даже возраст путью определить не смогли. Написали: «возможный возраст семь-восемь лет, развитие трёхлетки»... А документы у меня бывшая жена обманом забрала. Она товароведом на вещевой базе работает. Проворовалась она вместе с хахалем своим – начальником базы. Я у неё на складе совместителем числился. Она раз приходит: вся в соплях – недостача у неё. Уголовное дело завели. Посадят. Упросила, чтобы я всё на себя взял, мол, она и знать ничего не знала. А я её любил сильно и очень жалел – вот и согласился. А когда вопрос о конфискации имущества встал, она меня под ненормального закосить упросила: благо я с детского дома олигофреном числюсь. Экспертизу провели: шизуха. Пока я в тюремной психушке лежал, она со мной развелась и уже в открытую с хахалем жить стала. Это я всё уже после тюрьмы узнал. Шизофреников, ведь, не спрося их самих, разводят...

– Мария Петровна! – окликнули мою бабушку две другие контролёрши, закончившие оформлять квитанции о штрафах двум девицам. – У вас «заяц»?

– Нет! – поспешила ответить бабуля, помахав чым-то билетиком. – Это мой племянник, Надежда Ивановна. Сто лет не видела: еле признала – оброс, как дед. Я сейчас!

– Да ладно уж, поговорите пока, – разрешила начальница.

– Садись, сыночек, на лавочку, – предложила бабуся, – ножки-то болят небось?

Я покосился на часы: три минуты второго – Танька сожрёт.

– А может, лучше в милицию пойдём? – предложил я. – Как на голубей погляжу, меня от голода мутить начинает, а в КПЗ хоть килькой с макаронами покормят. Голова даже закружилась. Опротивели мне уже картофельные очистки с заплесневевшими сухарями.

– Да чёрт с ней, с этой милицией, раз она из-за копеечного билета в тюрьму сажает! – бабушка полезла в сумочку и достала завёрнутый в газетку бутерброд. – На вот, скушай и доскажи уж, пожалуйста, чем дело-то закончилось?

Мне было стыдно объедать доверчивую старушку и я стал отнекиваться, но вы же знаете какими настырными бывают бабушки? Тем более контролёры. Проклиная свою мягкотелую жалость к пенсионерке и думая, что надо было соврать, мол, я убивец, псих и беглый каторжник, жадно ухомячил бутерброд.

– Как же она у тебя документы-то забрала? – бабушка смахнула крошки с моей бороды украдкой поднятым из сугроба платочком.

– Я квартиру однокомнатную от СОбеса получил, как инвалид. Сразу после туберкулёзного детдома, а она соседкой моей была из другого подъезда. Познакомились. Роман завели. Потом поженились. Когда я из тюрьмы пришёл, она и говорит мне, мол, я теперь другого люблю и развелась с тобой. Дай мне паспорт, я туда печать о разводе поставлю. Я и дал, а она

меня выписала и документы все присвоила: ты, говорит, – сумасшедший. Я тебя в психушку сдать хочу. Документы твои на оформление в дурдом отдала... Теперь я вон в том подвале живу. А без прописки и документов – какая работа? Никто и разговаривать не хочет. Так вот и «бичую»...

Бабуля, видимо, проклиная свою человечность, маялась с платочком: выкинуть его на моих глазах она не могла и теперь была вынуждена держать его кончиками пальцев, делая вид, что вовсе не брезгует, а просто по рассеянности не убирает его в сумочку, но при этом стараясь не задеть им пальто.

– Что-то я от подвала и зимы совсем плохой стал, – я снова закашлялся и, бесцеремонно взяв бабушкин платочек, прижал его к губам. – Ой! Платок кровью испачкал, – соврал я. – Прокипятите его – как новый будет, – я завернул «кровь» поглубже в платок и протянул бабуле. У пенсионерки забегали глазки и непроизвольно спрятались руки за спиной. – А может вы его мне подарите? – подсказал я бабушке способ, как превратить поражение в победу. – Мне бы очень в КПЗ пригодился.

– Да бери, конечно! – обрадовалась бабулька, вытирая потихоньку пальцы о лавку. – Только я тебя ни в какое КПЗ не поведу. Не буду я грех на душу брать: настрадался человек, а я его в тюрьму из-за грошового билета?

– А может, скажем, что я вас ограбил? – неосторожно предложил я. – Без тюрьмы я долго не протяну.

– Да что тут грабить? – бабушка полезла в сумку. – Всего тромяк с копейками.

– А ментам же всё равно: сколько не награбь – лишь бы посадить, – заверил я.

– Так отдам, чего меня грабить-то? – решила бабушка и высыпала мне в карман медяки с трёшницей. Деньги, побывав в моём кармане, стали «неприкасаемыми» и вернуть их уже было нельзя – хоть тресни.

Прекратив бесполезные попытки избавиться от бабушкиных денег, я сказал, что мне пора прилечь в подвале: плохо мне. Бабуся намылилась меня провожать, но тут подошёл автобус. Пассажиров стали выпускать через переднюю дверь и проверять билеты.

«Зайцы» потому и зовутся зайцами, что трусливы: отсутствие билета приводит их в трепет. Вместо того чтобы смело, в первых рядах, двигаться к выходу, небрежно бросив контролёру, мол, билет у супруги, которая идёт сзади, они либо бестолково мечутся по задней площадке, либо обречённо бредут в хвосте выходящих из автобуса добросовестных граждан.

Я заметил Танюху, испуганно высовывающую мордочку в приоткрытое окно автобуса на задней площадке. Мне всё стало ясно – безбилетница. Любимый мастер делал мне знаки, строя страшные, выразительные рожи и зазывно трепеща лапками, поочерёдно высовывая в узенькую щель окна то свой нос, то ручки.

– Жена моя бывшая, – показал я на Таньку бабушке. – Психованная дура. Совсем от ненависти ополоумела: как меня увидит, так вся кипеть начинает. Видите, какие рожи строит? Я от неё по всему городу прячусь. Видно кто-то заломбардил меня. Нашла. Придётся перебираться в другой подвал: тут уже не житьё. Знакомые закладывают меня постоянно! Четвёртый дом за месяц меняю. Побегу я, – и попросил бабулю: – Задержите её подольше, а?

Подвиг Александра Матрасова

1

Душный запах полыни и жестокое солнце доводили до одурения. Палящая жара разогнала даже ящериц и саранчу. Мудрые суслики отсиживались в прохладе своих нор, а мы третий час пеклись на солнце. Нас выкинули с вертолѐта посреди степи, где мы устроили засаду на десятый полк нашей дивизии. Мы изображали разведдиверсионную группу противника и должны были воспрепятствовать смене боевого дежурства. Норматив отводил ограниченное время на смену и мы, внезапно напав на новый наряд, должны были сорвать нормативные планы.

Нас было шестеро: прапор Петруха, два сержанта и трое рядовых. Петруха – за старшего, но фактически все плясали под дудку рядового Гоши Дрягина. Нам всем не давало покоя «шило» в Гошиной заднице, но больше всего страдал он сам.

Третий час подходил к концу, а полкашей всё не было. Засадники валялись в придорожном бурьяне, спрятав головы под вещмешками. Я сидел, думая, что так меньшая площадь моего «х/б» будет нагреваться солнцем. На краю степи, у горизонта, в другой стороне от ожидаемого появления наряда я заметил какое-то движение. Над степью стояло марево, и сначала было непонятно, что там: фата-моргана или реальный объект. Через какое-то время стало ясно, что это одинокий путник, который трансформировался в одинокого всадника на приземистой лошадке, а затем выяснилось, что он вовсе не одинок: перед ним трусила, бесформенной кошмой, отара овец.

Я тронул за плечо Гошу и указал на процессию, двигавшуюся по касательной относительно нас.

– Товарищ прапорщик, можно пострелять? – живо пристал Дрягин к Петрухе.

– Отвали, – буркнул прапор из-под мешка.

– Конечно, не здесь, – гнул своё Гоша. – Сейчас отвалим подальше в степь, там и постреляем. Мешать не будем.

– Придурок, ты же в части норовил чужой автомат схватить, чтобы потом свой не чистить, а теперь стрелять собрался. Радовался бы, что вертолѐтчики нас не на ту дорогу выбросили.

– Спасибо, что про автомат напомнили, товарищ прапорщик, – озабоченный Гоша вытащил из-под руки рядового Киселя АкаэМ. – Спи, спи, Колѐк, – успокоил он салабона, пристраивая ему под мышку своего «калаша».

Никто ничего не замечал, все продолжали лежать и неугомонный Игорь, поманив меня, пополз наперерез отаре. Расположившись на пути следования овец, мы дождались их приближения и резко вскочили. Овцы брызнули в стороны, а лошадь с пастухом, всхрапнув, остановилась. Гоша демонстративно передёрнул затвор и долбанул очередь в сторону всадника. Глаза у пастуха-казаха приобрели европейскую круглоту и он, лихорадочно понукая мохнорылую «савраску», умчался обратно в степной горизонт. Примерно в том же направлении разбежались и овцы.

– Ты что, Гоша – перегрелся? Я думал, мы его в плен возьмѐм, а ты его сразу расстреливать взялся.

– Шура, мы же диверсанты: террор и никаких обозов с пленными. Видал, как его с холостых-то патронов пробрало: с такими темпами он к вечеру до Владивостока долетит! – Гоша ласково похлопал киселѐвский автомат. – Люблю в войнушку поиграть!

– Дурень ты, Игорь. Мужик, наверное, небо с овчинку показалось. Из бурьяна уже торчали головы наших ребят, а к нам поспешал прапорщик Петров.

– Идиоты! В дисбат захотели? – тщедушный и мелкий прапорщик был похож на задиристого воробья. – А если бы его хватил инфаркт? Или он теперь овец растеряет? Остолопы!

– Ха! Скажете тоже, товарищ прапорщик, – инфаркт. С такой-то рожей? – возмутился Гоша. – Да он здоровее своей лошади! Скорее её «кондратий» хватит.

– Рапорт командиру напишу, – отрезал Петруха. – на «губе» насидитесь.

– За что «губа», товарищ прапорщик? – заканючил Игорь. – Мы же ничего особенного не сделали: чем больше он сейчас напугался, тем счастливее будет потом, когда обнаружит, что жив и невредим.

– Вот и ты «осчастливишься», когда вместо дисбата на «губе» окажешься.

2

Все, кроме Киселя, повалились обратно в полынь. Киселёву валиться не пришлось – он, несмотря на стрельбу, продолжал безмятежно спать.

– Вот здоровый сон у хлопца! – похвалил его Игорь, меняя автоматы. – Я тоже по первому году службы мог бы на парадной лестнице вниз головой выпастись, но три часа на таком пекле ни за что бы не смог. Какая смена растёт: орёл! Вставай, скотина! – ткнув «орла» в бок, заорал Гоша.

Кисель мгновенно вскочил, затравленно вытаращив мутные со сна и залитые потом глаза.

– Пригнись, – повалил его Гоша, дёрнув снизу за ремень. – Диверсант хренов! Чего как столб встал? «Шпиён» недорезанный. Ты где, салага, находишься? На боевом задании или у мамкиной титьки? Мы с Шурой только что тебе жизнь спасли – фалангу раздавили, – Игорь указал на Петрухин плевок, подсыхавший рядом. – Полюбуйся: по твоей заднице ползала.

Руки Киселя непроизвольно поползли к ягодицам, и он с ужасом воззрился на Петрухину соплю:

– Спасибо, братцы. Фу, какая она мерзкая! Хорошо, что эти фаланги у нас в Свердловске не водятся.

– Ещё как водятся! Был я проездом на вашем вокзале: полным-полно.

– Полно пугать, Игорь: дома я, отродясь этой сволочи, не видел. Её нужно в коробок положить, – Кисель полез в карман. – Высушу и маме пошлю: пусть полюбуется, какие страсти-то на белом свете бывают.

– Дятел ты, Коля. Выкинь свой коробок, пока нас не вырвало, – Гоша выбил спички из его рук. – Если уж невтерпёж мамулю «порадовать», я тебе у казармы в курилке покрупнее экземплярчик покажу.

– Да кончайте пугать-то, ребята! Нешто эти твари прямо в дивизии водятся? Нужно же каким-нибудь дихлофосом всё полить. Товарищ прапорщик! – позвал Кисель. – Разрешите обратиться? Что делать, если фаланга укусит?

– Помирать, – посоветовал Петруха, недовольный тем, что его обеспокоили. – Фаланги, Киселёв, километров на пятьсот южнее живут, в пустыне.

– Да в какой пустыне, товарищ прапорщик? Вот же ребята только сейчас раздавили! По мне ползала, – не без некоторой гордости добавил Кисель.

– Где? Дайте глянуть, – встрепенулся Петруха. – В жизни не видал! – прапор вперился в артефакт и тоже его не узнал. – Это, ребята, наверное не фаланга, – скептически произнес он. – Мне кто-то рассказывал, что у них ноги большие, волосатые, а у этой и ног-то нет!

– Может быть, она их под себя поджала? – сделал предположение Кисель и стал отламывать былинку от куста полыни, явно намереваясь перевернуть «животное».

Работая коленями и локтями, подгребли оба сержанта.

– Знаете, какая она шустрая была? Как заводная носилась. Поэтому Шурик ей первым делом ноги оторвал, прежде чем я её раздавил, – с этими словами Гоша, которого уже всю мутило от всей этой «зоологии», вскочил и первым движением сапога – присыпал пылью, а вторым – размазал по земле предмет всеобщего внимания. Все возмущённо загудели.

– Да кончайте дурака валять! – прикрикнул на них Гоша. – Откуда такая любовь к живой природе? Меня чуть не вырвало! Как дети, право слово. Найдут какую-то мерзость и ну «консилиум» разводить: «Волосы, ноги...» Если хотите, я вам могу дохлую кошку подарить – в автопарке за седьмым боксом валяется: там уж и волос, и ног сколько хочешь!

Пристыжённые «натуралисты» расползлись по местам.

– Так, боец, – обратился Игорь к Киселю, – занимай пост. Твоя очередь за дорогой следить.

- А если фаланга? – забеспокоился Киселёв. – Что тогда делать-то? Я их боюсь.
- Нас не беспокой – Петруху свистнешь: он их не видел никогда, вот пусть и любит.

3

Гоша растянулся на земле и, спрятав голову под вещмешком, замер. Через пять минут задремал и Кисель. Ещё через две, его перетянула голова и он ткнулся лбом мне в бедро. Спустя ещё минуту он разогнул ноги, вытянулся поудобней и захрапел. Гоша вылез из-под рюкзака, сел, потянулся и неодобрительно посмотрел на Киселя:

– Аника-воин, завалит всю операцию! – презрительно пробормотал он, но тут же засуетился, заметив что-то сзади меня. – Автомат, на всякий случай, у него возьму. Айда на лошадях кататься!

Примерно в километре от нас откуда-то появился табунок лошадей: штук шесть – семь с жеребятами. Мы направились прямо к ним. Лошади не подпускали.

– Нужно сменить тактику, – предложил я. – Ты, Игорь, стой здесь. Я один попробую. Я стал заходить по большой дуге, делая вид, что иду как бы мимо, но потихоньку, по спирали приближался к лошадям. Оказавшись от них в трёх – четырёх метрах, зайдя с подветренной стороны, я протянул к ближайшей «сивке» магазин от автомата, и ласково поманил. Наивная скотинка клонула на дешёвый трюк и поплатилась тем, что я поймал её за чёлку. Она, было, попыталась ухватить меня желтыми зубами за локоть, но получив по носу магазином, поняла кто здесь главный.

– Ловко ты, Шура, её охмутил, – восхитился Гоша, приближаясь к нам. – А скакать-то как? У неё и сиденья-то нет.

Лошади, напуганные его приближением, отбежали подальше в степь. Да и моей пленнице Гошина стремительность была не по душе: она пригнула шею к земле, ощерилась, прижав уши, захрапела и топнула по земле передним копытом.

– Осторожно, Игорь! Ты ей не нравишься, – только и успел сказать я.

– Да что я ей, конь что ли? – брякнул он и тут она его ухватила за ляжку зубами.

– Ой, ...! – матерщина брызнула из Гоши, как из разбитого горшка, – Она мне, сволочь, ногу откусила! – Игорь ужом извивался в траве. – Ни хрена себе: прокатился! Гони её отсюда!

Просто так отпустить кобылку было жалко: столько ловили, и я опрометчиво прыгнул ей на спину. Тут Гоша жажнул из автомата у самого лошадиного уха. Лошадёнка вскинулась, подхватила и понесла. Напрасно я, сжав колени и вцепившись в гриву, пытался остановить или хотя бы развернуть её в сторону нашей засады – она упрямо несла меня вперёд, в степную ширь, вслед за своими товарками, летящими впереди. Кубарем спешился и похромал к маячившему вдали Гоше.

– Ну, ты мастер! – начал подлизываться Игорь. – Словно с этой клячей между ног родился. Лихо ты от меня усвистал. Хоть бы меня прокатил. Она тебя не покусала? – Гоша озабоченно осмотрел меня. – Мне, смотри, «х/б» порвала и синячище на ноге – страх! О, она тебе флягу помяла! Копытом? – с надеждой в голосе спросил он. – Как это раньше гусары с ними справлялись? Рыцарем-то ещё можно: в железе всё-таки, а вот если бы я гусаром был? У меня бы всё время на войну с лошастью ушло. Что с флягой-то делать будем? Может у Киселя поменяем, пока он спит? Петруха-то тебя за неё не похвалит.

– Да шут с ней, может «на войну» спишет? Это я её примял, когда с лошади падал.

– А я и не разглядел, что ты упал. Вроде бы, со стороны, ты прямо ковбоем выглядел: только пыль столбом!

– Да у нас, недалеко от моего дома, сразу две конюшни было: катайся, сколько влезет, пока конюхи пьяные спят. Слышь, Игорь, а мы заблудились.

– Головой ушибся? Тут и деревьев-то нет. Где блуждать-то будем?

– Вот тут, Игорёк, и будем. По моим расчетам, мы уже на дорогу должны были выйти, а её всё нет. Видимо, пока за лошадьми гонялись да гарцевали потом, куда-то в сторону отклонились. Какие предложения будут?

Наконец до Гоши дошло наше положение и он встревожено закрутил головой.

– О, суслик! – тут же отвлёкся он от неприятных мыслей. – В нору удрал. Вот бы его в руках подержать. С виду прямо красавец. Приручить бы его и на дембель с собой увезти: сестра бы порадовалась.

Гоша подбежал к норе и припал к лазу.

– Ничего не видно. Как бы его поймать? – не долго думая, он сунул в дыру автомат и нажал на курок.

Нора оказалась сквозной, в виде латинской буквы «U», и суслика выкинуло из второго отнорка метра на три в высоту.

– Вот он! Лови! – Гоша бросил АКМ и, как футбольный вратарь, грудью кинулся на грызуна. – Тьфу, черт! Я его, кажется, раздавил.

Игорь вытащил из-под себя бездыханное тельце. Из ушей и ноздрей зверька выступила кровь.

– Не обломится Иришке подарок..., – огорчился Гоша. – Что ж ты какой хлипкий?

– Его, похоже, выстрелом убило, он же, как пуля в стволе оказался, – рассудил я.

– Думаешь? ... Ох, мразь! – Игорь отшвырнул суслика и стал лихорадочно отряхивать рукава.

– Ты чего?

– Блохи! Как из мешка посыпались. Господи боже, неужели на такой маленькой зверюшке, столько насекомых живёт?

4

– Рядовые, ко мне! – заорал Петруха. Из пыли опять торчали головы наших ребят, а Петров, уперев руки в бока, метал громы и молнии: мы не дошли до них всего метров сто.

– Смирно! – заорал прапор, едва мы приблизились. – Рядовой Дрягин!

– Я! – Гоша подобострастно вытаращил глаза

– Рядовой Павлов!

– Я!

– Объявляю вам: два наряда вне очереди!

– Служим Советскому Союзу! – заорал Гоша.

– Рядовой Павлов!

– Я!

– Как нужно отвечать? – Петруха с ненавистью посмотрел на Гошу.

– Хайль Гитлер? – с надеждой спросил я: безалаберная Гошина дурь заразила и меня.

Сержанты прыснули со смеху.

– Идиоты! Рядовой Киселёв! – прапор повернулся к Киселю. – Как нужно отвечать?

– Есть: два наряда вне очереди! – заорал салабон, напуганный Петрухиным криком и нашей дерзостью.

– Уроды! – Петруха закашлялся и харкнул в землю. Мокроты, кувыркнувшись по глине, покрылись мохнатой шубкой из пыли.

– О! Эта «фаланга» покрупнее прежней будет, – Гоша поманил Киселя. – Где коробок? Вот эту мамусе пошли.

– Да вы, ...! – Петруха извергал матерщину, как треска икру. – Всё командиру доложу! Вольно! Занять оборону! – закончил он.

– Точно «стуканёт» командиру, – бормотал Игорь, устраиваясь на земле. – А меня начальник «губы» ненавидит... – вздохнул он.

– А что ты ему сделал? – я начал переживать за Гошу.

– Да он дурак какой-то! Чуть меня не расстрелял. Помнишь, – начал он, – мне командир в последний раз «сутки» объявил, а я целый месяц на «губе» просидел? Я напился там случайно за сутки-то. Вместе с часовым, который меня охранял: больше не с кем было. Так-то, сам знаешь, я бы ни за что с салагой пить не стал – одни неприятности из-за них! Такой же балбес, как Кисель. Вечером, как привели, начальник «губы» меня в камеру оприходовал и уже домой ушёл, я и говорю этому «щеглу» – часовому: «Дай закурить!». А он мне, мол, не положено, дымом пахнуть будет, начкар завоюет и всё такое прочее. Был бы наш брат, старослужащий, он просто послал бы меня – и вся недолга! А этот – гниль так и сквозит! Тогда, говорю, веди меня во двор, пока ещё двери не закрыли. Ну, он и «потрясся», идиот, выгуливать меня. Если бы не он – всё хорошо было бы. Двор-то «губы», сам знаешь, с автопарком граничит. Ну, курю я и слышу: вроде, Андрюхи Виногурского голос! Я к забору, дырочку нашёл, и покричал его. Андрюшка обрадовался, привалился с той стороны к доскам: перегаром от него – так и прёт. Ребята с его автобата водку в «Военторг» возили и два ящика спёрли: уже облевались все, а водки всё ещё полно! Куда её девать – не знают. Всю её проблевать у них сил нет: четверо уже «плахами» лежат, а остальные на алкоголь смотреть не могут: глаза уже почти не открываются. А тут я, на их счастье! Они и давай мне под забор бутылки совать. Насовали двенадцать с половиной штук – мне уж и девать их некуда: во всех карманах пузыри торчат и в руках охапка. А этот часовой, дурачина, помочь не хочет, говорит, мол, оружие у него и вообще он охранять меня должен, а не бутылки носить. Словом, насилие от Андрюхи отбил и под конвоем проследовал в помещение. Сам понимаешь, в камере из мебели – одни нары, да и те на день в стене запирают, всё это хозяйство спрятать некуда и значит, к утру всё оприходовать

придется. Расставил вдоль стены пузыри и думаю: с чего начать? Полбутылки сначала допить или наоборот, на конец её оставить?

Тут, на моё счастье, помощник начкара – сержант, с разводящим и новым караульным, идёт менять моего часового. Я их всех в камеру пригласил, предъявил батарею бутылок и предложил провести ночь в моём «номере» за дружеской беседой о жизни, о службе, узнать какими РВК призывались и прочие разные разности.

– Ты что, с ума сошёл? – перебил я. – А как же начальник караула? Он что, не хватился помощника и разводящего? А говорил ещё, что пил с одним часовым?

– Да не перебивай! В том-то и дело, – продолжал Игорь. – что начкаром с ними заступил летёха, а у него жена и он её ревнует. Вот он, летёха-то, и свалил супругу выслеживать, а в карауле сержант остался за старшего. Ребята уж к этому привыкли, не в первый раз с этим лейтенантом в караул ходили и знали, что раньше семи утра летёха не появится. А вот посидеть со мной сержантик не может: у него в карауле под началом девять душ и он за ними смотреть должен. Дал я им на всех по бутылке и они умчались. От радости даже моего салагу поменять забыли. Хотя, – призадумался Гоша, – его всё равно бы менять не стали – он один в карауле «молодой» был: по любому ему всю ночь куковать. Они его просто проверить зашли – вдруг уже повесился?

– Ты лучше бы арестантам водку отдал. Зачем же караул-то спаивать? – спросил Кисель.

– Да что ты лезешь? – возмутился Гоша. – Что я виноват, по-твоему, что на десять тысяч личного состава я один, на тот момент, арестованным оказался? – Игорь обиженно засопел.

– Ну вот, стало быть: – продолжал он. – осталось у меня две с половиной бутылки – уже легче! Но одному-то пить, всё равно, в «ломы». Эй, говорю, воин, поди сюда!

Ну, посидели, попили, а ему, лоботрясу, и рассказать-то мне нечего: этот караул – первое событие в его жизни после окончания детского сада. Попели с ним немного и только собрались ему автомат во дворе пристрелять – он блевать начал. «Опарафинил» всю камеру! А на улице-то уже давно светло стало: утро. Думаю, скоро начальник караула придёт, а следом и начальник «губы» объявится: времени в обрез, а этому дурню ещё полы помыть надо и в себя прийти. Сам-то я себя хорошо чувствовал, даже жалеть стал, что много водки в караул отправил. Пошёл в туалет, воды набрать. Вышел в коридор, дверь в камеру прикрыл на замок...

– А на замок-то зачем? Побоялся, что часовой от тебя удерёт? – влез Кисель.

– Шура, дай ему свой ремень, – отвлёкся Гоша. – Иди за дорогой наблюдай и пряху почисти: нечего встречать, когда «дедушка» говорит.

– Дверь на замок запер, – продолжил Игорь, – потому, что вдруг зайдёт кто? А у нас бардачина – дверь в камеру настезь! Это ж – трибунал! – пояснил любитель порядка. – Зашёл в туалет, воду в ведро набираю, другой рукой автомат на плече придерживаю, (он почему-то у меня оказался, хотели же его пристреливать идти). А этот придурок проблевался, ему, видать, полегче стало, он возьми, да заори: «Из-за острова на стрежень...», – Шаляпин хренов! Ну, думаю, сейчас я на него ведро воды вылью, он и орать перестанет, и очухается, и полы сразу мыть начнёт. Стал из туалета в коридор выходить, а там две ступеньки вниз. Меня качнуло немного, ведро из руки выскочило – блямс! Всё и разлилось на линолеум в коридоре. А я, представляешь, босиком. Слетел я со ступенек в эту лужу и как на коньках поехал. Там напротив туалета, через коридор, тамбурчик небольшой перед кабинетом начальника «губы». Вот меня через коридор в этот тамбур и прокатило. Я, пока летел, разглядеть успел, что возле моей камеры этот самый начальник-то «губы» и стоит. В глазок смотрит: кто, мол, там так выводит-старается, глотки не жалеет? Меня-то он тоже углядел: ещё бы такой грохот не заметить? А я, значит, так ловко в этом тупичке перед его дверью брякнулся, что только автомат в коридор торчит! Ни хрена себе, думаю: откуда этот урод в такую рань припёрся? Может, его летёха-начкара со своей любимой вспугнул? И, представляешь, этот лоботряс увидел, что на него АКаэМ из-за угла торчит, да и возомнил невесть что! Детский сад, ей богу! Где таких

идиотов в армию набирают? Этот debil выхватывает из кобуры «макара», ковбой недоделанный, и давай в мой тупичок палить! Ему, недоумку, пригрзилось, что я салагу-то разоружил и в бега собрался! Это я-то! Мне ж тогда всего четыре месяца до дембеля оставалось, скорее бы этот салабон от меня сбежал!

– Он в тебя попал? – опять влез Кисель.

– Шура, убери этого «щегла»! Вали отсюда! Тебе, что сказано было? Пряжку почистил? На и мою заодно. Всё, иди! – Гоша сунул Киселю свой ремень и толкнул его к дороге.

– Про что уж я говорил? А! – Гоша продолжил, – Ну вот, значит: я еле втолковал ему ситуацию, когда у него патроны кончились. Он только тогда мне верить начал, когда мы с ним в камеру зашли и он, дубина такая, узрел, что салага пьяный лежит. Тогда этот прапор, начальник-то «губы», и давай на меня орать: я тебя убить мог, и всё такое прочее. Я его успокаиваю как могу, мол, не расстраивайтесь, товарищ прапорщик, у вас так руки тряслись, что вы бы с двух шагов в сарай не попали, что я сильно переживал за него: как бы он себе ноги не отстрелил, пока пистолетом махал. А он только пуше разошёлся!... К вечеру на «губе» – яблоку упасть негде было: пол-автобата приволокли с Андрюшкой Виногурским во главе и весь караул в полном составе. А летёха-начкар опять «шланганул» – его не видно было. Снова, наверное, за женой следить отпросился: вот служба у офицеров – лафа! – Гоша на минуту примолк.

– Да, – вновь начал он, – с Андрюшкой-то в камере веселее стало, но знаешь, что я думаю? Не верно это: такие длинные наказания людям давать – получишь наряд вне очереди и пока его отбываешь, очень даже запросто ещё один, как минимум, схватишь! Постоянно со мной такая хренотень приключается. Я раз за время наряда ещё шесть нарядов получил от старшины, комбата и командира части. И с Андрюхой мы, как начали от начальника «губы» по суткам, да по трое хватать, так я через месяц насилу вырвался, а Виногурский, кажется, ещё до сих пор сидит.

5

Гоша замолчал, минут пять полежал, глядя в небо, и позвал Киселя: «Дай-ка автомат! Пойду «до ветру». Через некоторое время прозвучал приглушённый выстрел и следом Гошина матерщина. Петруха уже ни на что не реагировал.

– Что случилось? – разглядывал я расквашенную Гошину рожу.

– Нора глухая.

– ???

– Ну, хотел ещё одного суслика поймать, – рассердился Игорь на мою тупость, – не верится мне, что его порохом убить может. Стрельнул в нору, а она тупиком закончилась: пороховые газы вместе с камешками из норы мне в лицо ударили. Вот, полюбуйся: все руки ободрало. И морду посекло, ладно хоть глаза целы! – Гоша лёг на землю. – Кисель! Забери свой автомат долбаный!

– Больно, Игорь? – заюлил Кисель.

– Да отвали ты от меня! «Брат милосердия» выискался! – Гоша оттолкнул «щегла». – Шура, у тебя вода ещё осталась? Полей, рожу ополосну.

Через полчаса верхняя губа, нос и левая скула Гоши раздулись и стали лиловыми.

– Товарищ прапорщик, пойдёмте в часть, – предложил Игорь Петрову. – Обед уже прошёл давно и вода кончается, может хоть к ужину успеем?

– В какую «часть»? – отозвался Петруха. – До дивизии километров восемьдесят! С такими придурками, как ты с Павловым, мы и к Киселёвскому дембелю туда не попадём. Нас всех из-за вас либо в тюрьму посадят, либо казахи кетменями забьют! Лежи уж! Заберут рано или поздно.

– А вдруг про нас забыли? – влез Кисель.

– Да надо бы вас тут забыть – сколько бы сразу у командира головных болей исчезло, – мечтательно закончил разговор прапор.

Начинало смеркаться и вскоре, ночь накрыла степь. Где-то в темноте появился какой-то отблеск и потом, далеко-далеко, из небытия выскочил крошечный огонёк. Прихотливо подрагивая, то исчезая, то, вновь появляясь, искорка стала приближаться. Медленно увеличиваясь, она превратилась в одинокую фару.

Я тронул Игоря за плечо и показал на мотоцикл вдали. Гоша приподнялся, глянул в темноту, с тоской в не заплывшем глазу повернул ко мне опухшее лицо и покачал головой: «Давай, Шура, сам». «Совсем расквасился, – подумал я, – придётся мне за всех отдуваться. Ну, что ж? Жара – не жара, а косить надо!» Я схватил Киселёвский автомат и пополз вдоль дороги, подальше от прапора, навстречу мотоциклу.

– Стоять! – заорал я, выпрыгнув из темноты на освещённую фарой дорогу и передёрнул затвор.

– Твою мать! – донеслась приглушённая расстоянием Петрухина матерщина, (опять он всё проспал). – Да когда же это кончится?

– Твою мать! – вторя Петрову, разнёсся львиный рык, отозвавшийся чем-то знакомым в ушах и кузнечными ударами в сердце, – Это что ещё за фрукт?

Ослеплённому светом и парализованному собственной дерзостью, отступить мне было некуда: голос принадлежал полковнику Капустяну – начальнику штаба дивизии. Мужик он был крутой и в дивизии его боялись все, вплоть до комдива. Взыскания он раздавал щедрой рукой направо и налево, как нищим милостыню. Даже наш командир, убелённый сединами ветеран и не последний вояка в соединении, в его присутствии начинал лебезить и бестолково носиться, как цыплёнок с отрубленной башкой.

– Рядовой Павлов, товарищ полковник! – заорал я, млея от собственной борзости и продолжая держать фару на мушке, – Вы арестованы разведдиверсионной группой «синих»!

– Да? Где старший? – пророкотал он и выплыл вперёд. Рассеявшийся назад свет, рефлексирующий от его спины, показал, что передо мной вовсе не мотоцикл, а просто «УАЗик» с одной не горящей фарой.

– Командир диверсионной группы «синих» прапорщик Петров! – затыкал Петруха, одной рукой отдавая честь, а на другую наматывая сзади меня мой ремень, чтобы начищенная Киселём бляха заняла положенное ей по уставу место на моём животе.

После небольшого разговора выяснилось, что десятый полк ещё утром отрапортовал об успешном выполнении норматива, что раз так, то наша миссия провалилась, нас значит «убили» в перестрелке и все считали, что мы в «плёну» у полкашей, в тепле и сытости. Начальник штаба как раз едет в караул десятого полка, где пребывает комиссия штаба округа, проверявшая выполнение норматива и придумавшая трюк с нашей засадой. Вертолётчики не ошиблись, высадив нас на эту дорогу, но, видимо, где-то на уровне штаба дивизии, то есть в хозяйстве товарища полковника, прошла утечка и хитрый жук, командир десятого полка, объехал нас овечьими тропами и избежал засады. Теперь он с комиссией отмечает зачёт норматива и товарищ начштаба едет к ним присоединиться.

Было решено посетить всем диверсионным составом полк с целью на месте проверить боеготовность караула. Все полезли в «УАЗик».

– Что с бойцом? – строго поинтересовался гроза нарушителей. – Что у него за рожа?

«Рожа» скромно, но с достоинством потупилась.

– С вертолёта выпал, товарищ полковник! – не моргнув глазом соврал Петруха.

– С какой высоты?

– Да нет, после приземления уже, товарищ начштаба! – Петруха показал Гоше кулак за своей спиной.

Втиснулись в машину и поехали.

– Хоть какая-то польза от Киселёвского автомата, – зашептал мне в ухо Гоша, – слава богу, не признал! – покосился он на полковника, – Теперь главное не проговориться, чтобы меня голос не выдал.

– Да? А что он и голос твой знает? – я начал переживать за Гошу.

– Да он дурачок какой-то! Чуть меня не расстрелял. Потом расскажу как-нибудь. – Гоша умолк.

6

В тёмной дали запрыгали три пары лучей, ощупывающих ночь. Потом появились источники лучей – фары: нам на встречу двигались три автомобиля. Вскоре мы пронеслись мимо грузовиков – «Уралов». В призрачном свете я разглядел полкашей в полной боевой выкладке, сидящих в машинах. По моим прикидкам их было человек шестьдесят-семьдесят и ехали они явно по наши души.

«Расчёт усиления. Значит, на точке осталось человек двенадцать караула, – промелькнула в голове мысль, – но у часовых-то боекомплект не „холостой“. Как это мы с ними воевать будем?»

Из темноты неожиданно выскочила «сетка-100», высоковольтное ограждение-ловушка. За ней едва угадывалось «сто первое» сооружение – караул десятого полка. Фара «УАЗика» осветила сетчатые ворота, за которыми, шурясь от света и направив на нас автомат, стоял часовой.

– Караул: в ружьё! – заревел начштаба, предавая нас. – Тревога!

Эффект получился обратный: вместо того, чтобы занять оборону, солдатик, узнав голос полковника, кинулся открывать ворота. Растворив их, он стал толкать одну половинку ворот, повернувшись к нам спиной. Мы как горох высыпались из машины и бросились к нему.

– Ты убит! – я сшиб часового на землю и помчался к карпому. Бойца тут же оседлали Олег с Оскаром – наши сержанты.

Я летел пулей. Судя по топоту за моей спиной, тылы у меня были прикрыты. Карпом прорезала слепящая щель приоткрывшейся двери.

– Тревога! – заорал кто-то мелькнувший в дверном проёме и оказавшийся полковником, командиром десятого полка, тычущим в мой нос своим пистолетом. Мне этот приём сразу не понравился, он меня напугал. Я инстинктивно дёрнул Киселёвским автоматом, случайно ударив полковника стволом по руке и «макар» улетел в темноту. Глаза «полкана» удивлённо раскрылись, (похоже, он узнал во мне «кракати́ста» и «дзюбориста», агента 09 из справочного бюро), и он попытался, оттесняя меня, навалиться на дверь. Швырнув в его объятия подлетевшего Киселя, верхом на них, я ввалился внутрь помещения, вскочил и бросился по коридору. Сзади, бряцая оружием, посыпались «ястребы» – диверсанты, образуя «кучу-малу» на командире полка.

Часовой, оказавшийся, почему-то, в другом конце коридора, а не за дверью, бежал мне навстречу стаскивая с плеча АКаэМ. Сзади грохнула по ушам автоматная очередь и завывли пули, сбивая штукатурку впереди меня. Часовой обронил АКаэМ, не прекращая бега, нырнул головой вперёд в боковую стену и исчез. В стене оказалось кухонное окно раздачи, и я заметил, боковым зрением, там, далеко за кастрюлями и плитами, удирающего бойца. Подхватив его автомат, я на секунду оглянулся и увидел стоящего Гошу. В руках у него был чей-то «калаш» с примкнутым штык-ножом. Игорь удивлённо таращился здоровым глазом в изуродованный потолок, с которого, как снег на его голову, сыпалась известь. У его ног, скорчившись и прикрыв головы руками, валялись все диверсанты и оба полковника.

Оказавшись в конце коридора, я увидел дверь с припиленной бумажкой, на которой писарским почерком было выведено: «Комиссия». Дверь растворилась и на пороге возник генерал в расхристанном «п/ш» на голое тело. В руках он держал португепю. Он был пьян и обнаружив меня, прилипнув к косяку, начал неловко копать в хитросплетении поясных и наплечных ремней португепи, пытаясь выковырять из них кобуру с пистолетом.

– Тревога! – заревел он так, что вздулись вены на шее.

«И этот туда же! – подумалось мне. – Сейчас начнёт пистолетом в меня тыкать». Я бесцеремонно забрал у него португепю с кобурой и, обронив её на пол, слегка толкнул автоматом

генерала назад, в комнату. То ли уж я не рассчитал свои силы, то ли генерал был ещё пьянее, чем притворялся, но он улетел и грохнулся под богато сервированный обедками стол.

– Товарищ генерал! – заорал я на него. – Вы арестованы диверсионной группой «синих»!.. Остальные убиты! – добавил я, окинув взглядом лежащих вповалку на диванах офицеров.

Двигаться дальше было некуда и я, прикрыв дверь, приставил к стене трофейный автомат, а Киселёвский повесив на грудь, встал на охрану «Комиссии». По коридору, в мою сторону, размашистым шагом приближался полковник Капустян, в одной руке держа автомат, а другой таща за ухо Гошу. Игорь торопливо семенил, страдальчески кривя и без того перекошенную физиономию. «Откуда я знал, что там „боевые“, ведь учения же!» – оправдывался Дрягин. Командир десятого полка, поспевавший следом, дал Гоше пинка для скорости. В некотором отдалении, испуганой стайкой институток, трусили «диверсанты» с Петрухой во главе. Среди них виднелись оба часовых: «убитый» мною у ворот и второй, едва не подстреленный Гошей.

– Товарищ полковник, караульное помещение группой «синих» захвачено! – заорал я. – Комиссия штаба округа уничтожена! Взят в плен генерал-майор! Захвачен один АКаЭМ и один ПээМ! Рядовой Павлов доклад закончил!

Начальник штаба, бросив крутить Гошино ухо, поспешно схватил генеральскую портупею с «пушкой» и ловко подхватил автомат.

– Прапорщик, ко мне! – скомандовал Капустян. – Людей в столовую: накормить и отдыхать. Этого, – ткнул пальцем в Гошу, – отведи в караул под арест.

Полковники скрылись в «Комиссии».

– На отпуск «прогнулся»! – шушукались между собой наши сержанты, поглощая ужин и косясь на меня. – А Дрягин – на «губу». Нечего было у часового автомат хватать: мог бы и из своего «холостыми» пострелять, если бы не ленился оружие чистить. Чуть всех не перестрелял, идиот!

От наряда по кухне мы узнали, что затея с нашей засадой была незрелой авантюрой, попьяни родившейся в головах генерала из округа и нашего начальника штаба дивизии. Прошлой ночью, подгуляв, они решили поиграть в войну. Капустян позвонил, ближе к утру, своему заместителю с приказом: разработать план учений. Заместитель, справедливо рассудив, что утра раннего мудренее, спокойно удрых, а придя на службу обнаружил, что ещё не разработанный им план уже действует. По наущению начальника штаба и генерала была сформирована группа «диверсантов» в нашей части и вертолётчики уже закинули «синих» в степь. Всё было «на мази», маховик раскрутился, была только одна «маленькая» деталь: десятый полк ничего об этом не знал. Соответственно они не получили никаких холостых патронов и взрывпакетов, а отправились на обычное боевое дежурство с боевым же оружием. Испугавшись, что «диверсантов» искрошат в «капусту», заместитель начштаба догнал на машине колонну полка и объехал вместе с ней нас по большой дуге. В норматив, каким-то чудом, уложились и даже, чтобы потешить генерала с комиссией, заброшенных на точку вертолётком, предъявили им лжедиверсантов, якобы пленённых по дороге. После этого они сели отмечать «победу», а про нас все забыли.

Ночью командир полка про нас вспомнил и решил дать поиграть в войну своим подчинённым, которых и спровадил в степь на наши поиски. Он к тому времени выяснил, что мы ещё в часть не вернулись. Ещё он узнал, что с дружественным визитом к генералу едет начальник штаба и предупредил часовых. Только поэтому нас и не подстрелили.

Гоша просидел на «губе» три недели. Мне, за оккупацию карпома, никакого отпуска не объявили. А ещё, за мой «подвиг», ко мне прилипла кличка «Матрасов» и во все разведки меня брали.

Андрюшка

1

Я познакомился с Андреем Виногурским в армейском карантине. Он был родом из Москвы, а москвичей в армии тогда не любили. Но он был не простой москвич.

Его родители развелись, когда Андрею было лет тринадцать. Отец работал фокусником-иллюзионистом в одном из московских цирков. Мать в прошлом была цирковой воздушной гимнасткой, а на тот момент – мелким клерком в Министерстве обороны.

Детство Андрея прошло в цирке. Он объездил всю страну с гастролировавшими родителями и многому от них научился. На спортивной площадке ему не было равных. Но самым примечательным было, конечно, не это, а то, с какой лёгкостью он при желании мог обчистить карманы собеседника или набить их какой-нибудь дрянью. Да и вообще, мелкие предметы в его руках теряли материальность и становились фантомами, то исчезающими, то возникающими ниоткуда по Андрюшкиному произволу. Предметами покрупнее он ловко жонглировал, а уж совсем большие использовал как спортивные тренажёры.

Магушка Андрея, потакая материнским инстинктам, привела в действие бюрократическую машину Минобороны и на четвёртом месяце его службы, когда Андрей окончил учебку и стал водителем в автобате, пришёл приказ о его переводе в Москву, под заботливое мамино крылышко.

– Чёрт его знает, – чеша затылок, бормотал старшина автобата, – как тебя отправлять? Ни шинели, ни шапки, ни парадки, ни ботинок: ничего у тебя, Виногурский, нет!

– Так всё же «деды» забрали, товарищ прапорщик, едва я порог казармы переступил! – оправдывался Андрей.

– Понятно, что не «салаги», а мне-то что делать? – прапор задумчиво обозревал ряды шинелей и кителей, висевших в каптёрке. – Ладно, боец, иди пока: что-нибудь найду.

Те, кому доводилось получать военную форму, знают, что её шьют на очень маленьких толстых людей с короткими ручками и ножками. Но под этот общеармейский стандарт подпадают не все. Для стройных великанов от метра пятидесяти и выше найти подходящую форму – неразрешимая проблема. Надписи, типа «рост пятый» обозначают полноту, и вам вручат бриджи для бегемота.

Прощаться с нами Андрей пришёл широченным амбалом. Погоны не давали обвиснуть плечам кителя и он едва пролез в дверь. Бутафорность громилы выдавали эфемерная толщина профиля и торчавшие из широченных рукавов и штанин тонкие запястья и голени. Церковной хоругвью проплыл он по коридору в нашу сторону.

– Ну, ребята, не поминайте лихом! – пообнимавшись с нами начал Андрей. – Зашёл попрощаться, подарить вам на память котлы, – он начал раздавать нам наши же часы, которые снимал с нас во время объятий, – а Витьке – военный билет. Всё равно он часов не носит.

Витька испуганно схватился за опустевший карман и, цапнув военник, отошёл на безопасное расстояние от Виногурского.

– Где это ты такие «черевички» удохлял? – плеснул желчью обидевшийся Витька и все посмотрели на ботинки Андрея. – Как «чмо» в столицу завалишься.

– Не, мне больше нравится слово «панк», – начал объяснять Андрюшка.

Он тоже глянул на свои башмаки и его фуражка, висевшая на затылке, свалилась на нос.

– Классно экипировал меня старшина, – продолжал Андрей, – один башмак допотопный, кирзовый, а второй – яловый, новый. Фура – шестьдесят второго размера. Парадку вы сами

видите, а шинель с шапкой – это шедевр! В них, наверное, лет пять под машиной валялись: ремонт делали. Мазута на их пропитку килограмм шесть ушло.

Как ни жалко было расставаться – разошлись.

Андрей по дороге на вокзал оторвал где-то кусок алюминиевой проволоки, согнул её «змейкой» и, свернув в кольцо, пристроил внутри фуражки. Фура перестала балансировать на ушах и заняла устойчивое положение.

В вагоне Виногурский обнаружил, что его спутницами будут две смазливые девчонки, едущие на учёбу в Оренбург. Он тут же покори́л их сердца своим глазомером и твёрдостью руки, метнув с порога на гвоздь фуражку. Фура точно легла в цель, но алюминиевая конструкция отстыковалась в полёте и, брякнув о стену, со звоном опрокинула со стола стаканы с чаем на девичьи колени.

В Оренбурге, при пересадке на московский поезд, Андрей стал жертвой городского военного патруля. За внешний вид, порочащий Советскую армию, Виногурский дня три просидел на «губе».

В Москве Андрей первым делом кинулся домой – проведать маму. Открывшая ему дверь родительница, увидев на пороге огородное пугало в лихо заломленной на затылок фуражке, из-под которой торчали алюминиевые провода, и угадав материнским чутьём в нём своё чадо, выронила из рук полотенце, привалилась к стене, подперев рукой щеку, и замерла. Через секунду её губы, задрожав, искривились и из широко раскрытых глаз побежали слёзы: узнала.

Затащив блудное чадо в дом, мать сорвала с него танковые чехлы, открыв для себя преступную худобу, и прогнала Андрюшку отъедаться на кухню, а сама, схватив ножницы, линейку и мел, занялась кройкой и шитьём мундира параллельно со стиркой шинели и шапки.

К утру всё было готово: стиральная машина покрылась изнутри толстым слоем мазута, швейная – сломалась, а Виногурский стал дезертиром – в армию отправляться было не в чем. Достирывалось и дошивалось всё руками ещё дня три. При этом было сломано сколько-то ногтей и иголок, а бывшая белая ванна, стала похожа на Мойдодыра, любящего купать мотоциклы. От дезертирства Андрюшка реабилитировался, выкинув в мусорное ведро проездные билеты и смело исправив в документах три дня гауптвахты на шесть. Взяв в адвокаты маму, безумно тоскующую по утраченным ногтям и от ожидающей разлуки, Виногурский храбро вторгся на территорию новой части.

В Москве Андрюха пропадал не долго – месяца три. Он возил какого-то генерала из какого-то штаба на «Волге». Генеральская дочка положила на Виногурского глаз и её папик, удручённый мизерностью выбора своего дитяти, сослал Андрюшку обратно к нам. Интриги бывшей воздушной гимнастки, по возвращению блудного сына, не возымели действия и генеральской недоросли пришлось строчить пламенные письма, хотя Андрей предпочитал телеграфные переводы.

Архаровцы из автобата, куда вновь попал Виногурский, могли любого довести до ручки. Командиры этой части менялись как перчатки. Текучка руководящих кадров не способствовала укреплению воинской дисциплины и часть, попав в порочный круг, не вылезала из отстающих. Новый командир автобата, майор Коржов, решил исправить положение и начал своё командование со строевого смотра.

Осмотрев чумазых водил и полупьяных офицеров, майор заметил Виногурского, который выгодно отличался чистотой, постиранной и отутюженной маминой рукой, гимнастёрки, так как только вчера прибыл из Москвы.

– Как фамилия? – спросил командир.

– Рядовой Виногурский, товарищ майор! – отчеканил Андрей.

– Рядовой Виногурский, выйти из строя! – приказал Коржов. – Вот, посмотрите, в каком виде вы должны быть каждый день. Приятно глазу посмотреть на бойца! И постиран, и поглажен, и побрит, и образцово подстрижен. Снять головной убор!

Пилотка вспорхнула с Андрюхиной головы в руку. Часть, после секундного замешательства, схватилась за животы и грохнула со смеху.

Дело происходило в 1979 году и мало кто в стране, даже в редких тогда иностранных журналах, видел панковскую причёску «ирокез», которая, как петушиный гребень, украшала Андрюхину голову.

– Это что за ...!?! – выругался майор, лицо которого пошло багровыми пятнами.

– Это – чтобы пилотку ветром не унесло, товарищ майор, – соврал Андрей, – В Москве, при штабе, все солдаты так ходят.

– Прапорщик Орлов! Побрить этого урода под Котовского, – пунцовый командир достал платок и вытер лоб. – Рядовой Виногурский!

– Я!

– Объявляю вам: трое суток ареста!

– Есть, трое суток!

Отсидев на «губе», Андрей объявил командиру войну.

Майор Коржов заступил в наряд дежурным по части. Андрюшка сделал из кальсон, нательной рубашки и сапогов чучело молодого бойца и, после вечерней поверки, вывесил его под потолком сушилки, самой тёплой комнаты в казарме, где сушились портянки и сапоги. Эта комната постоянно использовалась для ночных посиделок старослужащими и их разборок с салагами. Офицеры про это знали, знали про их знания и солдаты, и когда в наряд заступали рьяные служаки, типа Коржа, считавшие своим долгом: контроль сушилки, в ней никто не собирался.

Лампочки в этой каморке, по традиции, не горели, чтобы зашедший со света не мог разглядеть лиц собравшихся. Коржик, после «отбоя», заглянул в эту комнату и оторопел: в жутком, душном мраке сушилки, под потолком, в пугающей выси, покачивая сапогами и смутно белея исподним бельём, болтался «жмурик». Неведомая сила вышибла майора из комнаты. Припечатав снаружи спиной дверь, дрожащей рукой, Коржов вытащил из кармана платок и вытер пот, высыпавший на лбу. Суицид и неуставные взаимоотношения тяжким грузом ложились на плечи командиров и майор запаниковал.

– Дневальный, бегом сюда помощника дежурного по части! – приказал Коржов.

– Товарищ майор... – начал доклад подлетевший помощник, но Коржик его перебил:

– Орлов, у нас жмур в сушилке.

Поняв по виду командира, что тот не шутит, прапор засуетился:

– Кто, товарищ майор? Как фамилия? Своими руками удавлю, гада! – рассердился Орёл. – Может просто спит? Пульс щупали?

– Хрен ты до этого пульса дотянешься: под самым потолком висит!

– Срезать! Может, откачаем? – прапорщик полез в карман за ножом.

– Думаешь: самоубийство? А если неуставняк? Улики уничтожить хочешь? – обозлился Коржик. – Нет уж, стой здесь! Я уже и так там натоптал – все следы, наверное, испортил. В сушилку никого не пускать, самому не заходить! Я к дежурному по соединению с докладом.

Сушилка имела смежную стену с каптёркой и предыдущий каптенармус, узбек, уволившийся прошлой весной, чтобы меньше мёрзнуть, прорубил маленькое оконце в кирпичной кладке возле самого потолка. Занявший его место якут, чтобы не изнывать от духоты, не придумал ничего лучше, чем сделать, для вентиляции, в противоположной стене аналогичную дырку в бытовку. На взгляд простого смертного, в эти маленькие отдушины пролезть было нельзя, тем более что находились они под потолком, на высоте в четыре метра. Для сына воздушной гимнастки, это оказалось – плёвым делом.

Бытовка выходила в расположение батальона и из коридора, куда имели выходы сушилка и каптёрка, её дверь была не видна. Увидев, как Коржик кинулся вниз по лестнице, а у двери встал на охрану прапор, Андрюха понял, что его чучело снимать без посторонней помощи,

пока, не собираются. Через минуту он уже перебирал руками по трубе, проходящей под потолком сушилки, подбираясь к «висельнику». Спрятав чучелку в каптёрке, Виногурский выскользнул из бытовки и тихонько забрался в постель.

По лестнице загрохотали сапоги – в казарму вошли Коржов и дежурный по соединению полковник Капустян, он же начальник штаба нашей дивизии.

– Значит, ты говоришь, что твои солдаты судом линча занялись? – полковник остановился возле прапора.

– Никак нет, товарищ полковник! – Орлов посчитал, что риторический вопрос обращён к нему. – Похоже, слава богу, – самоубийца! Пока вы, товарищ майор, за товарищем полковником бегали, удавленник в конвульсиях бился: ажно труба ходуном ходила! Меня чуть инфаркт не хватил! Как отопление не лопнуло? Только ведь ремонт на первом этаже закончили! Ну, думаю: хана – сейчас сорвётся, паразит, и все потолки вниз прольёт! Обошлось... Весь бы обварился, дурачок.

Капустян захлопал глазами, переваривая услышанное.

– Да вы, что! – полковник схватил Орла за грудки. – Спасать пацана надо! Идиот! Я вас обоих под суд отдам!

Начштаба отшвырнул старшину и, распахнув дверь, прищурил глаза, силясь разглядеть что-либо в душной темноте.

– За что это под суд? – не понял прапор. – Приказ командира – закон для подчинённого! Мне было велено не входить и никого не впускать. А оне сюда могут, товарищ майор? – указывая на Капустяна поинтересовался Орёл. Коржик молча потел и протирал лоб платочком.

«Оне», наконец-то всё рассмотрев, с разворота двинули прапору в зубы. Орёл кувыркнулся к туалету.

– Шутки шутить!?! – Капустян сгрёб Коржа. – Скотина!

От полученной колобахи, майор, чтобы не потерять равновесие, привалился к полу возле каптёрки. Разъярённый полковник вылетел в дверь, врезав, на всякий случай, подзатыльник дневальному.

Оклемавшись от Капустяновского «благодарю за службу», Орёл стал приводить в чувство Коржова:

– А жмурика товарищ полковник унёс? – спросил он, увидев, что майор начинает подавать признаки жизни. – Как рапорт писать? Я даже не понял кто и повесился-то! Фамилию-то какую указывать? Может, это и не наш вовсе боец, а приبلудный какой?

– Ну-ка слезь с меня! – майор поднялся. – Ты удавленника снял?

– Как можно, товарищ майор? – удивился прапор. – Я, по вашему приказу, даже дверь не открывал! Да и боюсь я этих покойников, а вы говорите: «снял»!

Коржик осмотрел сушилку: спрятаться было негде – голый пол, батареи на стенах, зарешённое окно и труба под потолком.

– Ты, сволочь, его снял! – опять наехал на прапора Коржов.

– Да что вы заладили: снял, да снял! – рассердился Орлов. – Дневальный! Капустян, что ли, жмура унёс?

– Никак нет! – отозвался похмельённый в чужом пиру.

– Куда же он подевался? – прапор заглянул за батарею. – Я же, своими ушами слышал, как он трубу ломал!

– Мистика, какая-то! – возмутился Коржик. – Он же вот здесь, прямо перед дверью, висел! Не привиделось же мне!?! Давай, старшина, личный состав пересчитаем, – майор опять смахнул платочком пот.

Принялись считать, бродя между кроватями. Даже после пятого пересчёта все были на месте. Пересчитали первый этаж – тоже самое.

Неожиданную, для себя, смётку проявил Орлов:

– Нужно скомандовать «подъём», товарищ майор! Висельник-то не встанет, останется лежать. Тут мы его и повяжем!

– Тебя послушать – с ума сойдёшь! – уязвил Орла Коржик. – Если он, получается, до кровати добрался, то хрен ли ему и при подъёме не встать?

– Ну и пусть встанет! – у Орла оказался на редкость изошрённый ум. – Мы у них шею проверим!

По команде все построились повзводно, недовольно шурясь от света.

– Сержантам: проверить наличие личного состава! – скомандовал майор, расхаживая перед строем, скромно прикрывая платочком опухающую скулу.

Прапорщик бросился осматривать двуярусные кровати:

– Есть покойничек! – радостно возвестил он через минуту из дальнего угла. – А, так ты ещё живой, сволочь! А ну иди!

Орёл выгнал из кроватного лабиринта на свет заспанного, растерянного якута – каптенармуса, которого никакие «тревоги» не касались: при любых манёврах, он всё равно оставался в казарме спать в своей каптёрке.

Схватив солдата за загривок, прапор согнул его буквой «Г» и, развернув к свету, стал рассматривать шею:

– Кажись, этот, товарищ майор! – Орёл показал Коржу на багровые следы от своих пальцев на шее у каптёра. – Ну, ты, поверни голову, гад! И что тебе, сволочи, не жилось?

– Это не тот, – определил Коржов, увидев, что покраснение на шее быстро проходит.

Сержанты доложили о наличии людей и прапорщик с майором пошли вдоль строя, пристально всматриваясь в адамовы яблоки. Не обнаружив ничего подозрительного, объявили отбой.

Бережно поглаживая синяки и рассуждая о боксёрских качествах Капустяна, спустились на первый этаж. Процедура с подъёмом и осмотром была безрезультатно продублирована: тайна исчезнувшего жмура не открылась.

2

Андрюха натёр сапогом ногу. Образовался абсцесс и щиколотку раздуло. Виногурского госпитализировали. Оказавшись в отделении хирургии, Андрей стал любимцем сердобольных сестёр. Раз уж он имел власть над генеральскими чадами, то дочерей рабочих и колхозников своими фокусами покорял легко, а дочки интеллигенции, даже сельской, только о нём и мечтали.

Я тоже оказался в госпитале, в том же отделении. Все два года армии я был болен музой живописи и в моменты обострения оказывался госпитализированным. Тогда из меня лезли санпросветовские плакаты, и очередной красный уголок какого-нибудь отделения госпиталя покрывался росписью. Поскольку послеоперационных травм у меня не было, меня назначили старшиной отделения. Я должен был следить за чистотой в палатах, составлять графики мытья полов и вообще быть правой рукой дежурившего медперсонала – что, впрочем, не мешало мне переводить краску.

– Ребята, вы когда-нибудь клизму делали? – спросила нас медсестра Зина, когда я рисовал очередную хирургическую страшилку о ранней диагностике геморроя, а Андрюха мне позировал, подставив нарыв на ноге. – Может, поможете мне?

Перспектива поставить клизму фигуристой красотке нас сильно воодушевила и мы сказали, что готовы делать с ней эту процедуру каждые пять минут. Я даже готов набросать эскизы для будущего эпического полотна «Венера Эсмарха».

– Дураки! – обиделась Зинуля. – Не мне, бестолочи, а Семёнову из вашей палаты. У меня работы полно и я до отбоя не поспеваю! Поможете, а?

Отказать ей было невозможно, и она повела нас в комнату, где, помимо ванны, стояла кушетка, гинекологическое кресло и много других спортивных снарядов. Семёнов уже покорно лежал на кушетке, спустив штаны.

– Ну, справитесь? – вручив нам кружку с резиновой кишкой, спросила Зина.

Признаться в том, что человек, запросто рисующий геморрой любого размера, в жизни не делал клизму – не позволило самолюбие. Самолюбие Виногурского было не меньше моего: мы соврали, что справимся.

– Это ты зачем делаешь? – спросил я Андрюшку, выковыривающего шпателем из баночки вазелин в кружку Эсмарха.

– С водой вместе в него загрузим, чтобы всё из него, как по маслу, выскочило! – объяснил Андрей. – А иначе, зачем же ещё она нам этот вазелин дала?

– Ребята, – забеспокоился Семёнов, – им надо наконечник на шланге смазать!

– Не трепись, а то изо рта всё выльется! – Андрюха ткнул его в бок, но вазелин на всякий случай выловил и уложил в баночку, – Сань, ты надевай фартук, а мне дай перчатки.

– Мне кажется, что фартук и перчатки для кого-нибудь одного. Или ты всё сразу надевай, или давай мне.

– Раз уж нас двое, – остановил мои пререкания Виногурский, – то давай соблюдать технику безопасности. Ты наденешь фартук и встанешь около кушетки. Я встану за тобой и буду в перчатках держать кружку – вдруг гидроудар? Я не хочу руки пачкать! А фартук нас обоих от брызг защитит.

– Что значит: «гидроудар»? – опять заворочался обеспокоенный Семёнов, ни черта не смысливший в гидравлике. – Вы что делать собрались?

– Сань, воткни ему эту кишку в рот, чтобы заткнулся. Давай его с переднего конца, через желудок промоем! – Андрюха стал зловеще натягивать перчатки.

Семёнов притих, а я повязал фартук. Налили воды из-под крана и заняли предложенную Андрюшкой позицию. Ослабили зажим на шланге и вода ушла. Как ни жмурились, гидроудара не случилось.

– Ну? – Андрюха потрепал жертву по загривку. – А ты боялся! В туалет хочешь?

– Кажется, нет, – неосторожно признался Семёнов и попытался встать.

– Стоп! – придавил его к кушетке Андрей. – Я так и думал! То-то я смотрю, какая-то кружечка детская! У нас в цирке лев постоянно запорами мучался, у его клетки прибор раза в три покрупнее этого висел. Всё ясно: дозировка мала.

Процедуру повторили.

– Ну, а теперь как?

– Холодно, ребята. Пустите меня, я в палату пойду.

– Вот чуяло моё сердце, что с вазелином заливать надо! – Андрюха выковырнул мазь обратно в кружку.

Налили воды и Андрюха, с видом заправского чаёвника, побултыхал в кружке шпателем. Вазелин поплавком болтался на поверхности.

– Ацетончику бы капнуть: он бы любую мазь враз развёл! – посетовал Андрей. – Заливай!

Вода скрылась в недрах Семёнова, а весь вазелин остался на дне кружки.

– Может, ты вручную мазь заправишь, раз она механическим путём не идёт? – предложил мне Андрей.

– Перчатки у тебя – ты и заправляй, – отбоярился я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.